

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10 декабря 2009 г. Издается с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 4

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редационный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Иванеев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабибуллин Алик Галимзянович,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор:

Кочешев Сергей Петрович,
заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора:

Туганов Юрий Николаевич,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор

Ответственный редактор:

Климова К.М.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., заслуженный юрист РФ,
чл.-корр. РАО, доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел. / факс: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7.

Подписные индексы:

«Почта России. Электронный каталог» — П1683.

«Объединенный каталог. Пресса России» — 24782.

Также можно подписаться на сайте:

www.lawinfo.ru

Печ. л. 4, 0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Подписано в печать 06.04.2020.

Выход в свет 15.04.2020.

ISSN 2070-2108.

Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Глухов Е.А. Взыскание денежных средств с бывших курсантов, отчисленных из вузов по недисциплинированности либо нежеланию учиться 3

Харитонов С.С. О субъектах военно-политической работы в контексте военного строительства: правовые аспекты..... 7

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА

Васильченко С.В. Содержание правового обеспечения взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов государства в пограничном пространстве 10

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Туганов Ю.Н., Быстров П.Г. Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации в толковании ст. 138 УПК РФ: проблемы теории и практики 15

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Далгалы Т.А. Военные преступления: международно-правовой аспект 20

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Лазарев С.Е. Вопросы военного обучения в советском законодательстве периода Второй мировой войны 23

Печникова О.Г. Регламентация медицинской экспертизы при формировании кадрового состава российской армии в начале XIX в. 27

Сатанова Л.М. Арест как вид наказания в период царствования Петра Великого..... 29

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией

при Министерстве науки и высшего образования

Российской Федерации для публикаций основных результатов

диссертаций на соискание ученых степеней

кандидата и доктора наук (12.00.01; 12.00.02; 12.00.04; 12.00.08;

12.00.10; 12.00.11; 12.00.14 — юридические науки)

MILITARY JURIDICAL JOURNAL

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) PI No. FC77-38319 December, 10. 2009. Published since 2006, published monthly.

No. 4

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
PhD (Law)

Kovalev Oleg Gennad'evich,
LL.D., Professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
LL.D., Professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
LL.D., Professor

Truntsevskij Yuriy Vladimirovich,
LL.D., Professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
LL.D., Professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Editor in Chief:

Kocheshev Sergey Petrovich,
Honored Lawyer of the RF, PhD (Law)

Deputy Editor in Chief:

Tuganov Yuriy Nikolaevich,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Responsible editor:

Klimova K.M.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., *Honored Lawyer of the RF,*
Corresponding Member of the RAE,
LL.D., Professor

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A.,
PhD (Law)

Tel. / fax: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow.

Subscription in Russia:

Russian Post. Digital Catalogue — П1683;

Unified Catalogue. Russian Press — 24782.

www.lawinfo.ru

Printer's sheet 4,0.

Circulation 2000 copies.

Printed by National Polygraphic Group ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing 06.04.2020.

Edition was published 15.04.2020.

ISSN 2070-2108.

Free market price.

CONTENTS

RELEVANT ISSUES OF MILITARY SERVICE

Glukhov E.A. Collection of Money from Former Cadets Expelled from Higher Educational Institutions due to Lack of Discipline or Unwillingness to Learn3

Kharitonov S.S. On Subjects of the Military Political Work within the Framework of Military Construction: Legal Aspects.....7

STATE PROTECTION

Vasilchenko S.V. The Content of the Legal Support of the Interaction between the Border Authorities and the Armed Forces of the Russian Federation in the Protection of National Interests of the State in the Border Territory..... 10

MILITARY JUSTICE

Tuganov Yu.N., Bystrov P.G. The Legal Position of the Supreme Court of the Russian Federation in the Interpretation of Article 138 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Issues of the Theory and Practice 15

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Dalgaly T.A. Military Crimes: An International Law Aspect..... 20

HISTORICAL JOURNEY

Lazarev S.E. Issues of Military Training in the Soviet Laws of the Period of the Second World War 23

Pechnikova O.G. The Regulation of a Medical Examination in Staffing of the Russian Army in the Early XIX Century 27

Satanova L.M. Arrest as a Punishment Type during the Rule of Peter the Great..... 29

*The journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of basic results of PhD and Doctor theses
(12.00.01; 12.00.02; 12.00.04; 12.00.08; 12.00.10; 12.00.11;
12.00.14 – law sciences)**

ВЗЫСКАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БЫВШИХ КУРСАНТОВ, ОТЧИСЛЕННЫХ ИЗ ВУЗОВ ПО НЕДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТИ ЛИБО НЕЖЕЛАНИЮ УЧИТЬСЯ

Глухов Евгений Александрович,
сотрудник Санкт-Петербургского военного института
войск национальной гвардии Российской Федерации,
полковник юстиции, кандидат юридических наук
 evgenijgluhov@yandex.ru

В статье анализируется норма закона о возмещении средств федерального бюджета, затраченных на военную и специальную подготовку отчисленных из военных образовательных организаций военных ведомств курсантов в связи недисциплинированностью либо нежеланием учиться. Приводятся материалы судебной практики по данному вопросу, выявляются противоречия и пробелы в вопросе расчета суммы подлежащих возмещению затрат. Автором акцентируется внимание на соотношении справедливости и выполнения нормативных предписаний в ходе определения суммы, подлежащей возмещению бывшим курсантом, на примере позиций судов различного уровня рассматриваются различные подходы к указанной проблематике.

Ключевые слова: военная служба, контракт, справедливость, образование, военные училища, стоимость обучения, ответственность, увольнение.

Collection of Money from Former Cadets Expelled from Higher Educational Institutions due to Lack of Discipline or Unwillingness to Learn

Glukhov Evgeniy A.
Employee of the Saint-Petersburg Military Institute
of National Guard Troops of the Russian Federation
Colonel of Justice, PhD (Law)

The article analyzes the norm of the federal law regarding reimbursement of federal budget funds spent on military and special training for cadets expelled from military educational organizations of military departments due to lack of discipline or unwillingness to study. The court practice materials on this issue are presented, contradictions and gaps in the issue of calculating the amount of costs to be reimbursed are identified. The author focuses on the balance of justice and compliance with regulatory requirements in determining the amount to be reimbursed by a former cadet, using various positions of courts of various levels as an example, examines various approaches to this issue.

Keywords: military service, contract, justice, education, armed forces, cost of training, responsibility, military leave.

Поводом для написания данной статьи послужил довольно свежий пример судебной практики о взыскании денежных средств с отчисленного из военного вуза курсанта. Данный спор выявил наличие различных позиций относительно размера подлежащих взысканию средств, а также справедливости и законности различных подходов.

В качестве наглядной иллюстрации предмета работы приведем выдержки из определения Верховного Суда РФ о взыскании средств федерального бюджета, затраченных на обучение бывшего курсанта.

Обстоятельства дела: курсант Ш. 1 августа 2013 г. зачислен на 1 курс высшего военного авиацион-

ного училища, а 1 октября 2014 г. с ним заключен контракт о прохождении военной службы на период обучения в военном вузе и 5 лет военной службы после его окончания. При этом курсант Ш. взял на себя обязательство в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹ (далее — Закон № 53-ФЗ), возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную и специальную подготовку, в размере 872 636 руб. за

¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

один год обучения. 7 апреля 2015 г. курсант Ш. отчислен из военной образовательной организации в связи с нежеланием учиться.

Военный прокурор обратился в суд с иском к Ш. о возмещении им средств федерального бюджета, затраченных на его военную и специальную подготовку, в размере 1454 393 руб. 33 коп. (за 19 месяцев обучения в вузе).

Принимая решение о частичном удовлетворении исковых требований, военный суд исходил из того, что порядок возмещения средств, затраченных на военную и специальную подготовку отчисленных из военных вузов курсантов, Правительством РФ не определен. Поэтому к спорным правоотношениям можно по аналогии применить положения ст. 11 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее — Закон № 161-ФЗ) и уменьшить размер подлежащих взысканию средств исходя из конкретных обстоятельств, степени вины и материального положения ответчика. В итоге судом первой инстанции с курсанта Ш. было взыскано лишь 57 357 руб.

По кассационной жалобе начальника военного вуза коллегия по делам военнослужащих ВС РФ отменила вынесенное судебное решение, указав, что гарнизонный военный суд при рассмотрении спора применил Закон № 161-ФЗ, не подлежащий применению. Дело было направлено на пересмотр в суд первой инстанции².

Проанализируем законодательство относительно рассматриваемого спора. Согласно п. 7 ст. 35 Закона № 53-ФЗ граждане, отчисленные из военных вузов или военных учебных центров за *недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться либо отказавшиеся заключить контракты о прохождении военной службы*, а также граждане, окончившие указанные образовательные организации и уволенные с военной службы ранее срока, установленного контрактом о прохождении военной службы по так называемым негативным основаниям³, возмещают средства бюджета, затраченные на их военную или специальную подготовку. Порядок исчисления размера возмещаемых средств определяется Правительством РФ.

При заключении контрактов (воинских соглашений) о прохождении военной службы с ними условие

о возмещении денежных средств, указанных в вышеприведенном абзаце, а также размер подлежащих возмещению средств включаются в контракт о прохождении военной службы.

Таким образом, отчисление из военно-образовательного учреждения за неуспеваемость (или по другим негативным основаниям) влечет для лица наступление обязанности по возмещению расходов, затраченных на его военную и специальную подготовку.

Вместе с тем из данного общего правила есть исключения:

Так, в Обзоре судебной практики рассмотрения военными судами дел о возмещении средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку (обучение), гражданами, отчисленными из военных профессиональных образовательных организаций за недисциплинированность, неуспеваемость, нежелание учиться либо отказавшимися заключать контракты о прохождении военной службы⁴, было приведено дело по взысканию затрат на обучение с бывшего курсанта П., отказавшегося заключить контракт о прохождении военной службы, а потому отчисленного из вуза и уволенного с военной службы. Верховный Суд РФ признал правильной следующую правовую позицию:

Поскольку курсант П. не достиг возраста 18 лет, в период обучения исполнял обязанности военной службы по призыву, контракт о прохождении военной службы (где бы было прописано условие о возмещении средств бюджета на его обучение) не заключал, то оснований для взыскания с него денежных средств не имеется⁵.

Совсем недавно Верховный Суд РФ подтвердил возможность и еще одного исключения. Так, было установлено, что в марте 2015 г. курсант З. отчислен из учебного заведения по недисциплинированности, а в том же году он был восстановлен в военном вузе в качестве курсанта. При таких данных оснований для взыскания с З. средств, затраченных на его военную и специальную подготовку, за период обучения в военном вузе до отчисления из указанного училища, в котором он продолжил свое обучение после восстановления на том же курсе, не имелось⁶.

² Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 203-КГ18-4. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1665104

³ В приведенной норме закона перечисляются следующие так называемые негативные основания увольнения с военной службы: лишение военнослужащего воинского звания, вступление в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы (условное лишение свободы) или приговора о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в связи с невыполнением им условий контракта.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.06.2015) // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 8. С. 51–61.

⁵ По мнению автора, и такая логика несколько надуманна. Спорной представляется позиция, когда курсант отчисляется после окончания первого курса до заключения контракта, то он не платит ни копейки, а если через день после заключения первого контракта, платит за все время обучения, в том числе и за время первого курса, когда он проходил военную службу по призыву.

⁶ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 25 июля 2019 г. № 203-КГ19-2. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1792602

В остальных случаях при отчислении курсантов из военных вузов по негативным основаниям возмещать затраченные на их обучение средства все же придется⁷. Вопрос лишь **в сумме взыскиваемых средств**.

Как было указано выше, законодатель данный вопрос отнес к компетенции Правительства России. В развитие п. 7 ст. 35 Закона № 53-ФЗ Правительством РФ были приняты два постановления: от 25 июня 2007 г. № 402 и от 1 октября 2007 г. № 629.

В первом из названных постановлений определена Методика исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку граждан в военных профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, во втором — Методика исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную подготовку граждан в военных учебных центрах. Говоря проще, первый документ применяется для расчета суммы взыскания с отчисленного из военного учебного заведения военнослужащего (курсанта или слушателя), второй — для расчета суммы взыскания с отчисленного из гражданского вуза студента, где он ранее обучался по программе военной подготовки. Нас интересует первая из методик, хотя принципиальной разницы по сути расчетов между ними нет.

Итак, исходя из утвержденной Правительством РФ Методики исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета (далее — Методика) граждане возмещают средства федерального бюджета, затраченные на военную подготовку, по текущему значению суммы подлежащих возмещению средств.

Текущее значение суммы подлежащих возмещению средств устанавливается по следующей формуле:

$$ТЗ = ФЗ \times (ПЛО + ПМО / 12),$$

где: ТЗ — текущее значение суммы подлежащих возмещению средств в случае отчисления из военно-учебного заведения, тыс. руб.;

ФЗ — фиксированное значение суммы подлежащих возмещению средств, размер которых включается в контракт, тыс. руб. в год;

ПЛО — количество полных лет обучения (1 год — 365 дней) в военном вузе;

ПМО — количество полных месяцев обучения (1 месяц — 30 дней), прошедших со дня зачисления в военный вуз (для первого года обучения) либо со дня истечения полного года обучения (для последующих лет обучения).

Таким образом, взыскиваемая сумма получается как произведение двух множителей: а) стоимости од-

ного года обучения в вузе; б) полных лет обучения с округлением до месяца.

А важным здесь представляется то, что стоимость одного года обучения в конкретном вузе неизменна в течение обучения, одинакова на любом курсе обучения вне зависимости от изучаемых предметов и используемой на занятиях техники и определяется как средняя стоимость обучения в вузе в год. То есть общая стоимость обучения за все годы обучения делится на количество лет обучения, в итоге получается стоимость одного года обучения (в приведенной выше формуле она обозначена как ТЗ).

Следовательно, авторы Методики решили, что стоимость обучения на первом курсе военного вуза, когда курсанты только знакомятся с азами военного мастерства (основные предметы обучения: строевая подготовка, физическая подготовка, общевоинские уставы и тактическая подготовка) и не допускаются до боевой работы на технике, полетов, практической работы на сложной технике, равна стоимости обучения на старших курсах, когда такого рода работа ими осуществляется.

Получаем отсутствие дифференциации стоимости обучения по разным предметам с использованием сложной военной техники и без ее использования. Существующая методика просто все усредняет: курсант еще только надел военную форму и слушает лекцию в классе, а расчет взыскиваемых с него средств уже будет вестись так, как будто он летал на самолете (хотя в реальности курсант его даже близко не видел).

В юридической литературе уже высказывалась позиция о том, что в бюрократической структуре многие решения принимаются исходя не из критериев справедливости, а бездумно подгоняя ситуацию под статью инструкции. И пусть эти статьи явно устарели, не соответствуют ситуации или даже смешны, они все равно будут неукоснительно соблюдаться, и чиновник будет требовать их соблюдения от взаимодействующих с ним лиц⁸.

Существующая методика расчета оперирует теми показателями, которые не всегда можно объективно оценить с математической точки зрения в образовательном процессе (использовались они или нет и в каком объеме). Вряд ли справедливо, что обучающийся обязан возмещать те затраты, которые реально на его военную подготовку не осуществлялись⁹.

Такое положение дел (установление одинаковой стоимости обучения на разных курсах с преподаваемыми разными дисциплинами и использованием разных материальных средств) автор полагает несправедливым и необоснованным. По мнению автора, сумма

⁷ См., напр.: Апелляционное определение Омского областного суда от 29 мая 2019 г. по делу № 33-3400/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Глухов Е.А. Влияние бюрократических процедур на управленческие решения // Военное право. 2018. № 3. С. 84–91.

⁹ Пуляева Е.В. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в сфере оказания образовательных услуг // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 81–88.

иска, предъявляемого к взысканию в возмещение средств федерального бюджета, должна соответствовать реальным средствам, затраченным на военную или специальную подготовку граждан. Именно такой подход и был применен гарнизонным военным судом по приведенному в начале настоящей статьи делу:

...из объяснений курсанта Ш. следует, что за время его обучения в военном учебном заведении в течение 3 семестров практические занятия с использованием вооружения и военной техники не проводились, как не использовались боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Данное обстоятельство подтверждается исследованной в судебном заседании учебной карточкой курсанта Ш., согласно которой курсант Ш. прошел обучение по общим предметам. Как видно из справки об обучении, выданной Ш., в ней отсутствуют сведения о сдаче им за время обучения таких предметов, как авиационно-тренажерная подготовка, парашютно-спасательная подготовка и выживание летных экипажей, практическая аэродинамика, авиационное вооружение и его боевое применение, а также первоначальная и последующие летные подготовки на учебном самолете (учебная практика).

Таким образом, суд считает установленным, что затраты на военную и специальную подготовку Ш. в иске заявлены как реальные, соответствующие фактическому времени обучения его в военном вузе, так и планируемые, которые в будущем федеральный бюджет лишь должен был затратить на его обучение, но не затратил.

При указанных обстоятельствах с учетом того, что в средства федерального бюджета, затраченные на военную и специальную подготовку Ш., стоимость износа вооружения и военной техники, стоимость боеприпасов и ГСМ включены необоснованно, суд снизил общую сумму иска на указанную стоимость износа и стоимость материальных запасов¹⁰.

Вместе с тем нормативный правовой акт — комментируемая Методика — такой дифференциации не делает. Фиксированное значение стоимости обучения в Методике никоим образом не зависит от преподаваемых дисциплин и рассчитывается по среднему значению всех используемых на обучение ресурсов. Ниже приведена формула расчета стоимости года обучения, приведенная в Методике:

$$ФЗ = (P1 + P2 + P3) / ШЧ,$$

где ФЗ — фиксированное значение суммы подлежащих возмещению средств, размер которых включается в контракт, тыс. руб. в год;

P1 — стоимость износа основных средств, тыс. руб. в год;

P2 — стоимость расхода материальных запасов, тыс. руб. в год;

P3 — расходы на содержание преподавателей, тыс. руб. в год;

ШЧ — штатная численность переменного состава военного вуза, человек.

Учитывая изложенное, полагаю целесообразным внести изменения в Методику, где предусмотреть дифференциацию в расчете стоимости обучения (суммы подлежащих возмещению средств бюджета) в зависимости от фактически изучаемых учебных дисциплин и использованных при этом ресурсов. Полагаю, что поскольку в современных условиях получение профессионального образования (в том числе и высшего) отнесено к сфере государственных услуг, то и применяться здесь должны правила гражданского законодательства о возмещении лишь фактически выполненных услуг (ст. 779 ГК РФ).

Кроме того, следует отметить, что ссылки судебных инстанций на добровольность взятых на себя курсантами и слушателями военных вузов обязательств по возмещению средств бюджета, которые включаются в контракты о прохождении военной службы, также представляются надуманными. Ни о какой добровольности здесь не может идти речи, поскольку подписание контракта о прохождении военной службы — необходимое условие дальнейшего обучения в вузе, без подписания контракта с таким обязательством учиться в военном вузе будет невозможно, поэтому такого рода обязательства военнослужащего совсем не добровольны. Отказ в подписании контракта о прохождении военной службы с уже включенным в него условием возмещения стоимости обучения является основанием для отчисления и увольнения такого курсанта. Таким образом, условие контракта о возмещении средств бюджета, затраченных на обучение курсанта, является, по сути, навязанным и единственным возможным для продолжения обучения.

Фактически условие об обязательности возмещения средств бюджета, затраченных на обучение, ставит вопрос о применении к такого рода правоотношениям норм законодательства о возмездном оказании услуг. Только здесь не обучающийся оплачивает обучение, а государство, но под условием последующей службы на него данного обучающегося и под угрозой штрафных санкций за неисполнение данной обязанности.

А раз так, то к спорным правоотношениям применимы нормы закона об оказании услуг. Размер гражданско-правовой ответственности, как правило, соответствует размеру причиненного вреда. В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред подлежит возме-

¹⁰ Решение Самарского гарнизонного военного суда от 28 августа 2018 г. по делу № 2-119/2018. URL: https://gvs--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=133668075&delo_id=1540005

нию в полном объеме (не больше и не меньше) лицом, причинившим вред.

Можно усмотреть аналогию такого рода гражданско-правовой ответственности (возмещение средств бюджета за обучение в военном вузе) и с материальной ответственностью военнослужащих. Но в этом случае также виновный должен возместить лишь реально причиненный им материальный ущерб, который в данном случае будет считаться как фактически уже произведенные военным вузом расходы¹¹.

Отдельного рассмотрения заслуживает и вопрос о возможности увольнения курсанта, проходящего военную службу по контракту, по собственному желанию. Такое основание увольнения предусмотре-

но п. 6 ст. 51 Закона № 53-ФЗ для всех военнослужащих-контрактников, следовательно, и для курсантов 2–5 курсов. Действительно, военнослужащий, добровольно поступивший на военную службу по контракту, должен иметь возможность и по своему желанию расторгнуть контракт (ведь военная служба не предполагает рабский труд). Однако именно для курсантов указанная норма закона не работает, их рапорта об увольнении по собственному желанию (в связи с нежеланием учиться) рассматриваются как основание для увольнения в связи с невыполнением ими условий заключенного ими контракта о прохождении военной службы (подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона № 53-ФЗ). Получаем, что обычное волеизъявление курсанта (слушателя) об увольнении его с военной службы приравнивается к правонарушению и влечет довольно серьезные последствия материального характера.

¹¹ Статья 2 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» // Российская газета. 1999. 21 июля.

Литература

1. Глухов Е.А. Влияние бюрократических процедур на управленческие решения / Е.А. Глухов // Военное право. 2018. № 3. С. 84–91.
2. Пуляева Е.В. Правовые проблемы борьбы с коррупцией в сфере оказания образовательных услуг / Е.В. Пуляева // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 81–88.

О СУБЪЕКТАХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

**Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса,
кандидат юридических наук, профессор
stass1964@gmail.com**

В статье сформулированы некоторые подходы к созданию правовых основ функционирования военно-политических органов в войсках в контексте деятельности государства по обеспечению военного строительства.

Ключевые слова: военное строительство, военно-политическая работа, органы по работе с личным составом.

On Subjects of the Military Political Work within the Framework of Military Construction: Legal Aspects

**Kharitonov Stanislav S.
Reserve Colonel of Justice
PhD (Law), Professor**

The article formulates some approaches to creating the legal foundations for the functioning of military-political bodies in the troops in the context of the state's activities to ensure military development.

Keywords: military construction, military-political work, bodies for work with personnel.

Складывающаяся международная обстановка демонстрирует рост напряженности во взаимоотноше-

ниях между государствами, обусловленной желанием удержать или расширить влияние в первую очередь

в экономической и политической областях. В этой связи возрастает значение военного строительства в целях поддержания государства в состоянии, позволяющем успешно решить при необходимости задачи по вооруженному противоборству с противником.

Рассуждая о военном строительстве в современной России как явлении, описываемом правовыми нормами, напомним, что доктринально строительство военное — это планомерный и целенаправленный процесс создания и развития военной организации государства, комплекс экономических, социально-политических, правовых, собственно, военных и других мероприятий по поддержанию военной мощи страны¹.

Удивительно, но в национальном законодательстве не раскрыто понятие «военное строительство». Не встречаем мы его в Военной доктрине Российской Федерации², где, например, дано определение части военного строительства — военного планирования, под которым понимается определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных сил, других войск и органов, их применения и всестороннего обеспечения (подп. «л» п. 8 Военной доктрины). В системе официально принятых в нашем государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации речь идет о строительстве и развитии Вооруженных сил, других войск и органов, что, конечно, не равнозначно военному строительству, являясь его частью.

Говоря о российском законодательстве, обозначим, что ссылка на военное строительство в самых общих чертах дается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, в п. 103 которой установлено, что Российская Федерация в рамках стабильного и равноправного стратегического партнерства выступает на международной арене с позиции рациональной достаточности в военном строительстве.

Анализируя немногочисленные правовые источники в связи с описываемыми в них действиями, мероприятиями, способами и мерами, направленными на объединение для достижения цели военного строительства задач, можно говорить о военном строительстве как системе мероприятий по созданию и развитию вооруженной организации государства, ос-

нову которой составляют вооруженные силы и другие силовые структуры.

Поддержание в армии как альфы и омеги вооруженной организации нашей страны высокого идейного настроения и морального духа войск, военно-политического воспитания военнослужащих, законности⁴, противодействия неприемлемой российскому обществу идеологии и, как следствие, образцового порядка и дисциплины⁵ потребовало создания органов для проведения профессиональной военно-политической работы под эгидой Главного военно-политического управления Вооруженных сил Российской Федерации⁶. Сегодня предстоит следующий этап — создание правовых предписаний, определяющих обязанности самых многочисленных субъектов военно-политической работы: заместителей командиров по военно-политической работе в ротах, батальонах, полках. И представляется, что реализация этой задачи возможна, прежде всего, через изменения в Уставе внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации⁷ (далее — Устав), предметом регулирования которого являются правоотношения, связанные в том числе с определением обязанностей основных должностных лиц полка и его подразделений.

И как представляется, «прописывая» обязанности заместителей командиров по военно-политической работе, как никогда важно избежать дублирования и «расплывчатости» определения обязанностей указанных должностных лиц по отношению к другим должностным лицам полка.

Безусловно, воспитание у военнослужащих понимания и поддержки государственной политики в области обеспечения обороны, формирования высоких военно-профессиональных, боевых и психологических качеств⁸, патриотизма традиционно находится в центре внимания военно-политического руководства нашего государства и руководителей военных ведомств.

Указом Президента РФ от 30 июля 2018 г. № 454 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 “Во-

¹ Военный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10426@morfDictionary> (дата обращения: 18.02.2020).

² Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. подр.: Харитонов С.С. Влияние военно-политической работы на законность в войсках: правовой аспект // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 41–44.

⁵ См. подр.: Туганов Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации: монография. Чита, 2010. 373 с.

⁶ Положение о Главном военно-политическом управлении Вооруженных сил Российской Федерации (утв. Приказом Министра обороны РФ от 16.10.2018 № 585) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Устав внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См. подр.: Харитонов В.С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям: вопросы правового регулирования // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 104–107.

просы Министерства обороны Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом» проведено реформирование органов, осуществляющих политико-просветительскую и воспитательную работу в войсках, и определено, что теперь к полномочиям Минобороны России отнесена организация военно-политической работы вместо морально-психологического обеспечения Вооруженных сил РФ.

С учетом исключения морально-психологического обеспечения Вооруженных сил РФ из полномочий Минобороны России, прежде всего, возникает вопрос уточнения в Уставе понятийного аппарата и легитимности использования дефиниций «морально-политический» и «психологический» при определении зоны ответственности воинских должностных лиц.

Кстати, ранее в общевоинских уставах, действовавших в СССР, использовался термин «морально-политический» и не встречалось слово «психологический».

Так, например, согласно ст. 4 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Союза ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1960 г. «О Дисциплинарном уставе и Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР», твердая воинская дисциплина достигалась воспитанием у военнослужащих высоких морально-политических и боевых качеств.

В то же время вопросы морально-политической и психологической подготовки военнослужащих раскрывались в учебных изданиях, подготовленных для войск⁹.

С учетом того, что термин «боевые качества» широко используется и в действующих Уставах, в связи с изложенным выше представляется целесообразным и оправданным заменить используемые в одном смысловом значении словосочетания «морально-политическое и психологическое» (состояние), «индивидуально-психологические особенности, морально-политические и военно-профессиональные» (качества), (воспитание у военнослужащих высоких) «морально-политических, психологических, военно-профессиональных качеств» единым термином «морально-боевое (ые)» состояние, качество или «морально-политическое и боевое (ые)» состояние, качество и т.д.

Норма права должна характеризоваться определенностью и ясностью предлагаемых действий субъектов права. Поэтому правовые нормы, которые будут устанавливать в Уставе границы ответственности заместителя командира по военно-политической работе, целесообразно было бы изложить достаточно кратко — заместитель командира по военно-политической работе в мирное и военное время отвечает: за военно-политическую работу, военно-политическую

подготовку и военно-политическое информирование личного состава; формирование морально-боевых качеств военнослужащих; воспитание, правовое обучение, воинскую дисциплину личного состава; правовую и социальную защиту военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала.

Одновременно следует учитывать, что за некоторые направления военно-служебной деятельности параллельно отвечают несколько воинских должностных лиц.

Так, в полку за воинскую дисциплину отвечают:

- командир полка (ст. 93 Устава);
- начальник штаба полка — за воинскую дисциплину личного состава штаба и непосредственно подчиненных ему подразделений (ст. 96 Устава);
- заместитель командира полка — за поддержание воинской дисциплины (ст. 98 Устава);
- заместитель командира полка по воспитательной работе — за воинскую дисциплину (ст. 100 Устава);
- другие заместители командира полка, начальники служб — за воинскую дисциплину личного состава подчиненных им подразделений и служб.

Таким образом, требуется аргументированное определение диапазона ответственности заместителя командира по военно-политической работе за воинскую дисциплину, а также за другие направления военно-служебной деятельности, по которым может идти пересечение с функциями и полномочиями остальных воинских должностных лиц полка (например, с помощником командира полка по правовой работе в рамках правового обучения и воспитания военнослужащих¹⁰).

В заключение отметим, что государственная деятельность невозможна без ее правового регулирования (правового обеспечения). Представляется, что к приоритетной задаче правового регулирования военного строительства должна быть отнесена разработка новых и совершенствование действующих нормативных правовых актов по основным направлениям военного строительства с учетом установленных по важности направлений политики Российского государства в области обороны и безопасности. И военно-политические органы, задачей которых должно стать формирование профессионально подготовленной, идейно убежденной, сильной духом личности военнослужащего, сплоченных и слаженных воинских коллективов, способных к выполнению боевых задач, должны быть органично встроены в указанные процессы.

⁹ См., напр.: Морально-политическая и психологическая подготовка летного состава авиации Вооруженных Сил СССР: учебное пособие. М.: Воениздат, 1988. 224 с.

¹⁰ См. подр.: Харитонов С.С. Выездные заседания военных судов в расположении воинских частей: вопросы правового регулирования процедур применительно к необходимости их совершенствования // Право в Вооруженных силах. 2018. № 8 (253). С. 41–49.

действию субъектов в рамках различных групп правоотношений характеризуется противоречивыми интересами их участников. Как свидетельствуют результаты изучения и обобщения практики взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов государства в пограничном пространстве (далее — взаимодействия), правовое обеспечение данного направления деятельности является основой для эффективного налаживания, осуществления и последующего поддержания взаимодействия, а возникающие недостатки в правовом обеспечении приводят к снижению его эффективности. При этом сложность заключается в том, что субъектами взаимодействия нередко по-разному трактуется понятие правового обеспечения и определяется его содержание. Данный пробел теоретического характера в последующем приводит к проблемам на практике, таким как неоднозначное понимание субъектами стоящих перед ними задач и порядка их выполнения, превышение возложенных на них полномочий, срыв совместных действий и т.д.

Исходя из смыслового содержания термина «обеспечить», наиболее рациональной трактовкой применительно к рассматриваемому понятию является «создать все необходимые условия для осуществления чего-либо, гарантировать что-либо»¹. Согласно иной позиции значение данного слова раскрывается как процесс снабжения кого-либо чем-либо в необходимом (достаточном) количестве, возможность сделать что-либо реальным, выполнимым, действительным². На основании изложенного можно утверждать, что «обеспечение» как явление гарантирует эффективное выполнение задач для достижения определенных целей. При этом правовое обеспечение целесообразно рассматривать как научно обоснованную, последовательную систему правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляет воздействие на общественные отношения исходя из очередности задач, возникающих перед обществом, и целей, которые они преследуют³.

Но с практической точки зрения важна не только сама система средств воздействия на общественные отношения, как теоретическая категория, но и конкретная практика их применения, поскольку правовое обеспечение реализуется посредством не только норм-правил, непосредственно регламентирующих в рамках конкретных правоотношений поведение субъектов, но и сопутствующие явления правового и неправового характера, определяющие цели и

задачи деятельности, принципы, статус и компетенцию субъектов.

Результаты изучения ведомственных аналитических и практических материалов позволили выявить следующие проблемы, связанные непосредственно с осуществлением взаимодействия по данному направлению: несовершенство нормативной правовой базы по вопросам взаимодействия; недостаточное качество нормативных правовых актов, издаваемых как совместно, так и самостоятельно субъектами по вопросам организации, налаживания, осуществления и поддержания взаимодействия; несогласованность отдельных действий субъектов в рамках осуществляемого направления взаимодействия (например, порядок совместных действий в случае возникновения особых обстоятельств, условий форс-мажора, определение порядка ответственности субъектов при недостаточной подготовленности к осуществлению конкретных действий в рамках взаимодействия); неопределенность перечня субъектов, непосредственно ответственных за определенные действия, совершаемые в рамках взаимодействия.

Эффективность взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов государства в пограничном пространстве во многом определяется качеством нормативных правовых актов, на основании которых это взаимодействие организуется и поддерживается. Так, в отдельных ведомственных аналитических и практических материалах отмечается недостаточный уровень правового обеспечения осуществляемого взаимодействия, указывается на коллизионность отдельных правовых норм, содержащихся в межведомственных и ведомственных нормативных правовых актах по вопросам взаимодействия, что свидетельствует о недостаточном качестве правового обеспечения.

В содержание понятия «правового обеспечения» помимо, собственно, права и обстоятельств, непосредственно его окружающих, попадает и обширная деятельность государственных органов и их подразделений по реализации своих задач и функций, а в случае со взаимодействием — объединение усилий как процесс осуществления совместных действий субъектов, направленный на общее достижение запланированного результата. Так, например, в документах, составленных по итогам проведенных совместных учений, указывается, что совместное достижение запланированного результата является не только неотъемлемой частью взаимодействия как процесса, но и в качестве основного показателя эффективности осуществляемого взаимодействия во многом определяет содержание правового обеспечения организации и поддержания взаимодействия.

¹ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. С. 236.

² Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17454>

³ Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 50.

Взаимодействие рассматриваемых субъектов представляет собой процесс объединения совместных усилий и порождает возникновение специфических общественных отношений, складывающихся именно по этому поводу. Применительно к рассматриваемой теме общественные отношения складываются в специфической сфере: обеспечения обороны страны и безопасности государства военными методами, подготовки и применения в этих целях всех элементов военной организации государства; военного строительства; управления Вооруженными силами РФ и другими войсками и их всестороннего обеспечения⁴.

Результаты исследования теоретических источников, ведомственных практических и аналитических материалов позволили обосновать вывод, что *правовое обеспечение взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов государства в пограничном пространстве представляет собой научно обоснованную, последовательную систему правовых и иных средств, при помощи которых государство и взаимодействующие субъекты осуществляют воздействие на общественные отношения, возникающие в процессе объединения совместных усилий, сил и средств указанных субъектов в соответствии с их полномочиями для достижения результата по блокированию угроз государства в пограничном пространстве*. Таким образом, элементами правового обеспечения рассматриваемого направления взаимодействия являются общественные отношения, складывающиеся между пограничными органами и Вооруженными силами Российской Федерации в процессе совместного объединения усилий, направленных на защиту национальных интересов государства в пограничном пространстве, и система правовых и иных средств, применяемых в процессе взаимодействия.

Общественные отношения, как элемент содержания правового обеспечения взаимодействия, складываются между конкретными субъектами (пограничными органами и Вооруженными силами Российской Федерации) в процессе организации, налаживания, непосредственного осуществления и последующего поддержания рассматриваемого направления взаимодействия и обладают следующими особенностями: характеризуются объединением совместных усилий двух самостоятельных субъектов обеспечения безопасности стра-

ны в пограничном пространстве (пограничных органов и Вооруженных сил Российской Федерации); возникают, прекращаются, изменяются, реализуются, развиваются на основе правовых норм, которые обладают особой спецификой (содержатся не только в актах общего действия, но и в нормативных правовых актах, содержащих различные грифы секретности; действуют в четко определенном пространстве — пограничном пространстве страны); определяются особым положением субъектов (взаимодействующие субъекты являются элементами военной организации и субъектами обеспечения безопасности государства); взаимодействуют в особых целях — обеспечения безопасности страны в пограничном пространстве; при строгой индивидуализированности взаимодействующих субъектов они взаимно связаны между собой юридическими правами и обязанностями.

Правовыми средствами, включаемыми в содержание правового обеспечения взаимодействия, выступают нормы и принципы права, применяемые в данной сфере, правоприменительные акты, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т.п.

Нормы права при этом можно разделить на нормы общего действия, межведомственные и индивидуализированные. Нормы общего действия содержатся в нормативных правовых актах, принятых на федеральном уровне и распространяющих свое действие на всех субъектов обеспечения безопасности государства в пограничном пространстве. Наиболее наглядным примером является Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Межведомственные нормативные правовые акты разрабатываются как по инициативе одной из сторон, так и совместно, но в процессе их согласования и утверждения в обязательном порядке учитываются интересы каждой из сторон. Индивидуализированные нормативные правовые акты разрабатываются и утверждаются в интересах каждой из сторон в отдельности с соблюдением ведомственных интересов и учетом ведомственной специфики.

Принципы права, на основании которых осуществляется взаимодействие пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации, также находят свое отражение в ведомственных аналитических и практических материалах, что свидетельствует об их важности и практической значимости. Так, в отдельных документах содержится прямое указание на то, что координация применения сил и средств сторон, а также форм и способов обмена информацией, затрагивающей интересы защиты и охраны государственной границы, экономических и иных законных интересов Российской Федерации, осуществляется на

⁴ См., напр.: Вершилов С.А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ) : монография. Ульяновск : Зебра, 2015. С. 26.

Эта позиция приводится и в иных источниках. См., напр.: Дубынина Т.В. Военная организация государства и ее структурные элементы: системно-правовой анализ // Армия и общество. 2014. № 6 (43). С. 8–13; Кучерявый М.М. Военная безопасность России : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 186 с.

основе принципов законности, взаимного учета интересов сторон, разграничения полномочий и согласованности совместных действий.

Субъективные права и соответствующие им юридические обязанности участников взаимодействия также находят отражение в межведомственных и ведомственных нормативных правовых актах и материалах практики. Например, Плановые таблицы взаимодействия, утверждаемые представителями взаимодействующих субъектов на определенный период, содержат исчерпывающий перечень обязанностей общих и специально определенных, возложенных на сотрудников каждого из взаимодействующих ведомств в отдельности. При этом к общим обязанностям относятся обязанности по взаимному информированию сторон, организации сил и применению средств, порядка действий личного состава в зависимости от складывающейся оперативной обстановки и конкретной ситуации, особенно при резком изменении обстановки и в целях обеспечения режима секретности, к специально определенным — обязанности по свободному владению тактическими, организационными и практическими особенностями взаимодействия сил в условиях пограничных операций (пограничного поиска и иных форм пограничной деятельности) для командного состава, свободное владение системой разработанных условных сигналов для лиц, ответственных за поддержание оперативной связи взаимодействующих сил и т.д.

Запреты и льготы, а также меры поощрения и меры наказания, используемые в качестве правовых средств, напрямую соотносятся друг с другом, но различаются уровнем их нормативного закрепления. Так, если запреты и льготы, применяемые к сотрудникам взаимодействующих субъектов, устанавливаются на федеральном уровне⁵, то применение мер поощрения и мер наказания возможно на ведомственном уровне применительно к каждому из взаимодействующих субъектов. Так, например, результаты обобщения ведомственных практических материалов, связанных с подведением промежуточных итогов по результатам осуществления данного вида взаимодействия, содержат указания на выявленные достижения и недостатки в работе конкретных подразделений и их должностных лиц с соответствующими предложениями по их устранению.

К неправовым средствам, включающимся в содержание правового обеспечения взаимодействия, относятся правовая идеология, нормы морали, правовые обычаи, аналитические материалы, результаты обобщения практики в определенной сфере, традиции, правила субординации, корпоративные правила и другие. Указанные неправовые средства оказывают непосредственное правовое воздействие, но в отличие от пра-

вовых средств отличаются отсутствием обязательной кодификации и даже в случаях необходимости их обязательного и неукоснительного соблюдения распространяются на ограниченный круг субъектов правоотношений либо не требуют абсолютного их соблюдения, являясь скорее поведенческими ориентирами в реализации правоотношений.

Также частным случаем применения неправовых средств является практика составления пояснительных записок к утвержденным Планам взаимодействия разведывательных сил, Планам проведения совместных учений и иным нормативным правовым актам. Так, например, один из таких документов содержит указание на необходимость использования в непосредственной практике взаимодействия взаимодействующих сил таких неправовых средств, как результаты обобщения практики в данной сфере и учет сложившихся традиций осуществляемого взаимодействия. Аналитические материалы (обзоры, отчеты, статистические данные, материалы совместных заседаний, справки и др.), применяемые в качестве неправового средства, имеют важное значение в процессе налаживания, организации, непосредственного осуществления и поддержания взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации, поскольку позволяют обобщать имеющийся опыт, анализировать эффективность взаимодействия и в дальнейшем формулировать предложения по его совершенствованию.

В ведомственных документах по вопросам взаимодействия зачастую отражается информативное и воспитательное значение права, усилить которое может пропаганда правовых знаний, система широкого юридического образования, являющиеся также неправовыми средствами. Важное значение в содержании правового обеспечения взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации среди неправовых средств занимает правовая идеология. Учитывая то, что правовая идеология представляет собой систему идей, теорий и понятий, в которых отражается и оценивается отношение людей к праву, данному неправовому средству регулирования общественных отношений в сфере обеспечения безопасности государства в настоящее время уделяется внимание как на федеральном⁶, так и на ведомственном уровне. Кроме того, в ведомственных практических материалах содержатся прямые указания на необходимость формирования правовой идеологии, способствующей закреплению у сотрудников уважительного отношения

⁵ См., напр.: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (по сост. на 03.07.2019) // СПС «Гарант».

⁶ См., напр.: Решетников С.Н., Уразаев Э.Э. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 126–129; Самушия Я.Г. Идеология как фактор обеспечения национальной безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 5 (85). С. 687–689; и др.

к праву, выработке единой системы ценностно-ориентирующих взглядов, повышению правовой культуры и совершенствованию профессиональных качеств.

Нормам морали, выражающимся главным образом в соблюдении профессиональной этики, уделяется в правовом обеспечении взаимодействия достаточно пристальное внимание как в теоретическом⁷, так и в практическом аспекте. В отдельных ведомственных документах содержится прямое указание на то, что в процессе налаживания, организации и поддержания взаимодействия представителям разведомственных сил необходимо руководствоваться нравственными основами, нормами морали и отвечать требованиям профессиональной (служебной этики). Также в иных документах отдельно указывается, что знание основ профессиональной этики и применение сформулированных в рамках нее положений на практике позволяют военнослужащим — представителям разведомственных сил более эффективно выполнять служебные обязанности, повышают его авторитет среди коллег, укрепляют статус сотрудника силового ведомства.

Непосредственно с нормами морали во многом соотносятся правила субординации. Следует особо отметить, что применительно к взаимодействию имеет место не только указанная в определении вертикальная субординация, но и горизонтальная, определяющая порядок подчинения сил взаимодействующих субъектов друг другу. Поскольку инициатива во взаимодействии пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов государства в пограничном пространстве принадлежит именно пограничным орга-

нам, данные особенности непрерывно находят свое отражение в ведомственных документах по вопросам взаимодействия.

Таким образом, на основании вышеизложенного представляется обоснованным вывод о том, что *содержание правового обеспечения взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации в сфере защиты национальных интересов Российской Федерации в пограничном пространстве представляет собой совокупность средств правового обеспечения, применение которых позволяет организовывать, упорядочивать и поддерживать правоотношения, возникающие между пограничными органами и Вооруженными силами Российской Федерации, в сфере защиты национальных интересов Российской Федерации в пограничном пространстве, а также своевременно реагировать взаимодействующим субъектам на негативные изменения, возникающие в процессе взаимодействия с целью их устранения.* При этом общественные отношения подразделяются в зависимости от стоящих перед взаимодействующими субъектами задач: по организации взаимодействия; налаживанию взаимодействия; поддержанию взаимодействия. Средства правового обеспечения взаимодействия пограничных органов с Вооруженными силами Российской Федерации подразделяются на две группы: правовые средства (нормы и принципы права, применяемые в данной сфере, правоприменительные акты, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т.п.) и неправовые средства (правовая идеология, нормы морали, правовые обычаи, аналитические материалы, результаты обобщения практики в определенной сфере, традиции, правила субординации, корпоративные правила и др.).

⁷ См., напр.: Брежнева А.П., Лытов Б.В., Горбачев А.И. Государственная служба: нравственные основы, профессиональная этика. М.: Статут, 2016; Зейналян А.С. Профессиональная этика в правоохранительной деятельности // Научный журнал. 2018. № 2. С. 40–42; и др.

Литература

1. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А.Н. Арзамаскин // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47–51.
2. Брежнева А.П. Государственная служба: нравственные основы, профессиональная этика : учебное пособие / А.П. Брежнева, Б.В. Лытов, А.И. Горбачев. Москва : Статут, 2006. 33 с.
3. Вершилов С.А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ) : монография / С.А. Вершилов. Ульяновск : Зебра, 2015. 290 с.
4. Дубынина Т.В. Военная организация государства и ее структурные элементы: системно-правовой анализ / Т.В. Дубынина // Армия и общество. 2014. № 6 (43). С. 8–13.
5. Зейналян А.С. Профессиональная этика в правоохранительной деятельности / А.С. Зейналян // Научный журнал. 2018. № 2. С. 40–42.
6. Кучерявый М.М. Военная безопасность России : монография / М.М. Кучерявый. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. 186 с.
7. Мирошник С.В. Правовой стимул: понятие, структура / С.В. Мирошник // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 5. С. 12–14.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
9. Решетников С.Н. Роль правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации / С.Н. Решетников, Э.Э. Уразаев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 126–129.
10. Самушия Я.Г. Идеология как фактор обеспечения национальной безопасности / Я.Г. Самушия // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 5 (85). С. 687–689.
11. Селифонов А.А. Поведение и правовое средство / А.А. Селифонов // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 35–39.
12. Словарь русского языка. В 4 томах. Т. 3. П–Р / под редакцией А.П. Евгеньевой. 4-е изд. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
13. Шрамкова М.Н. Понятие и закономерные свойства процессуально-правовых средств / М.Н. Шрамкова // Современное право. 2011. № 5. С. 11–14.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТОЛКОВАНИИ СТ. 138 УПК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Туганов Юрий Николаевич,
главный научный сотрудник
Российского государственного университета правосудия,
профессор Российской таможенной академии,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН),
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
yurij-tuganov@yandex.ru

Быстров Павел Григорьевич,
судья окружного военного суда в отставке
avtor@lawinfo.ru

В статье исследуется правовая позиция Верховного Суда РФ в толковании ст. 138 УПК РФ. Высказывается мнение о необходимости изменения позиции Верховного Суда РФ по вопросу разрешения требований реабилитированного о возмещении вреда (за исключением компенсации морального вреда в денежном выражении), восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с положениями ст. 135 и 138 УПК РФ. Предложение направлено на обеспечение пострадавших от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц эффективным и полным восстановлением в правах, гарантиями максимально возможного возмещения причиненного вреда при судебной защите с возможностью использования полноценных форм доказывания оснований и размера требований реабилитированного.

Ключевые слова: судебная деятельность, правосудие по уголовным делам, правовые позиции Верховного Суда РФ, реабилитация.

The Legal Position of the Supreme Court of the Russian Federation in the Interpretation of Article 138 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Issues of the Theory and Practice

Tuganov Yuriy N.
Chief Research Scientist of the Russian State University of Justice
Professor of the Russian Customs Academy
Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor

Bystrov Pavel G.
Judge Emeritus of a District Military Court

The article examines the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation in the interpretation of article 138 of the criminal procedure code of the Russian Federation. It has been argued the necessity of changing the position of the Supreme Court in the settlement of the claims of the victim about compensation of the harm (with the exception of compensation for moral damage in monetary terms), the restoration of labour, pension, housing and other rights in accordance with the provisions of articles 135 and 138 of the code of criminal procedure. The proposal is aimed at providing victims of illegal or unjustified criminal prosecution with effective and full restoration of their rights, guarantees of the maximum possible compensation for the harm caused in judicial protection, with the possibility of using full forms of proof of the grounds and the size of the rehabilitated person's claims.

Keywords: judicial activity, criminal justice, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, rehabilitation.

Статья 126 Конституции РФ определяет, что Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по уголовным делам и наделен правом осуществлять в предусмотренных федеральным законом процессу-

альных формах судебный надзор за деятельностью судов и давать разъяснения по вопросам судебной практики.

Разъяснение и (или) толкование по вопросам судебной практики и правовых норм должно быть предсказуемым для их участников, законы должны действовать равно и одинаково для всех. Этот постулат отражает принцип единства судебной практики и реализуется посредством полномочий Верховного Суда РФ по проверке им судебных решений в кассационном и надзорном порядке, а также дачи разъяснений по вопросам судебной практики.

Ссылки в судебных актах на правовые позиции Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, выраженные в постановлениях Пленума, не являются редкостью¹. Эта практика сложилась давно и сохраняется по настоящее время². Именно исследованию правовой позиции Верховного Суда РФ в толковании ст. 138 УПК РФ и посвящена данная работа.

Статьями 52 и 53 Конституции РФ закреплено право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, реализация которого гарантируется обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечивать потерпевшим компенсацию причиненного ущерба³.

Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протокола № 7 к ней⁴, утверждающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ данная Конвенция является составной частью правовой системы Российской Федерации.

¹ Джинджолия Р.С. Роль и значение судебных правовых позиций (усмотрений) в уголовном праве (на примере разъяснений Верховного Суда РФ) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3 (27). С. 75–79; Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 95–102; Саламатов П.А. Толкование как вид судебного усмотрения // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 390–393.

² Дробышева Е.Н. Указ. соч. С. 95.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Опираясь на приведенные положения Конституции РФ и международно-правовых актов, Конституционный Суд РФ сформулировал правовые позиции, согласно которым государство, обеспечивая на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лицам эффективное и полное восстановление в правах, обязано гарантировать им и **максимально возможное возмещение** причиненного вреда; при этом по смыслу ст. 49 Конституции РФ на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления; как более слабая сторона в правоотношении, **он не должен подвергаться излишним обременениям**; соответственно, предусматривая в этих целях наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда **специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных** и обусловленные спецификой их правового статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты своих прав, федеральный законодатель обязан создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости принятых решений о выплатах компенсации вреда указанным лицам, способствовали бы скорейшему определению его размера и возмещению (Постановления от 03.03.2010 № 5-П, от 14.07.2011 № 16-П, от 19.07.2011 № 18-П и от 17.10.2011 № 22-П; Определения от 08.04.2010 № 524-О-П, от 02.11.2011 № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 02.07.2013 № 1058-О, от 02.04.2015 № 708-О и др.)⁵.

Таким образом, для обеспечения полной, действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного лица на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, федеральный законодатель обязан установить гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права на реабилитацию в отношении этого лица (вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства, досудебной или судебной, оно было реабилитировано), а правоприменитель — неукоснительно соблюдать установленные гарантии⁶.

Указанные гарантии определены в главе 18 УПК РФ. При этом закрепленный этой главой уголовно-процес-

⁵ Пункт 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282711/#dst100076 (дата обращения: 21.02.2020).

⁶ Там же.

суальный порядок признания права на возмещение имущественного вреда в связи с реабилитацией, в соответствии с требованиями ст. 45, 49, 52 и 53 Конституции РФ, во всех случаях создает для реабилитированных лиц упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляющий им возможность участвовать в доказывании объема компенсации (Определения КС РФ от 02.04.2015 № 708-О⁷ и от 23.06.2015 № 1397-О⁸).

Конституционный Суд РФ в своих решениях также указывал, что предусмотренная главой 18 УПК РФ процедура с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращенным, квазиприказным производством, предназначенным для скорейшего рассмотрения требования реабилитированного **в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда** и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения. Такая процедура не предполагает наличия у судьбы широких пределов усмотрения, поскольку законодатель в названной главе не закрепляет специальных правил доказывания⁹.

В этой связи суды при рассмотрении соответствующих дел в уголовно-процессуальном порядке отказывают в рассмотрении доказательств, представляемых реабилитированными в подтверждение оснований своих требований, и это признается судьями вышестоящих инстанций соответствующим закону.

В частности, по одному из таких дел судья кассационной судебной инстанции указал, что «для определения возможности признания обоснованными в этой части требований гражданина С. вначале должно быть установлено компетентным органом, что он был уволен именно в связи с уголовным преследованием и имеет право на восстановление своих прав в

этой части согласно ст. 135 УПК РФ. Приводимые доводы и ссылка на показания ряда лиц о том, что фактически его уволили в связи с уголовным преследованием, к существу данного дела не относятся, как правильно указано в судебных решениях»¹⁰.

Именно поэтому ввиду ограниченности функционального назначения реабилитации, влекущей узость предмета доказывания в рамках данной процедуры, ч. 1 ст. 138 УПК РФ устанавливает, что если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Причем при обращении заявителей-реабилитированных после рассмотрения дел судами только в уголовно-процессуальном порядке, с результатами которых реабилитированный не согласен, с соответствующими жалобами на неконституционность примененных по делу законов в Конституционный Суд РФ последний в подобных случаях отказывает в приеме жалоб, ссылаясь на несоответствие поданного обращения установленным требованиям.

К примеру, по жалобе реабилитированного С. секретариат Конституционного Суда РФ, возвращая жалобу заявителю, указал, что в связи с тем, что дело после его рассмотрения судом в уголовно-процессуальном порядке при несогласии реабилитированного с принятым судебным решением не было рассмотрено судом в порядке гражданского судопроизводства, процесс защиты прав реабилитированного не может считаться завершенным. Рассмотрение же жалобы Конституционным Судом РФ, если процесс защиты прав заявителя в суде общей юрисдикции не завершен, предreshало бы выводы суда, тогда как Конституция РФ (ст. 118, 125) не допускает подмену судопроизводства по гражданским, административным или уголовным делам конституционным судопроизводством (Определения от 01.07.1998 № 113-О, от 11.03.1999 № 10-О, от 14.05.2015 № 905-О и др.), которое выступает в качестве резервного и исключительного способа защиты конституционных прав граждан в тех случаях, когда у заявителя исчерпаны все другие возможности судебной защиты (Постановления от 07.11.2012 № 24-П и от 18.09.2014 № 23-П)¹¹.

Таким образом, из этого следует, что реабилитированный при несогласии с решением суда, принятым в порядке УПК РФ, вправе при обращении в

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О «По запросу Сюзинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02042015-n-708-oro/> (дата обращения: 20.02.2020).

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дегтярева Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 134, пунктом 4 части первой статьи 135 и частью первой статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.referent.ru/7/256269> (дата обращения: 20.02.2020).

⁹ Пункт 7 (абз. 4) Постановления Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282711/#dst100076 (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁰ Постановление судьи Забайкальского краевого суда от 23 мая 2018 г. по делу № 4у-441-2018г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Ответ Секретариата Конституционного Суда РФ (исх. № 11604/15-01/18 от 31.10.2018) по жалобе гражданина С. // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

порядке гражданского судопроизводства заявить те же самые требования и использовать более широкие возможности для доказывания оснований своих требований в рамках процедуры уже гражданского судопроизводства по тому же предмету требований.

Между тем Верховный Суд РФ фактически де-завуирует вышеприведенные разъяснения конституционно-правового смысла законодательства о реабилитации, выявленного Конституционным Судом РФ в приведенных решениях.

Здесь следует отметить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»¹² (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 17) также приведено, что уголовно-процессуальным законом для реабилитированных **установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты**, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда (абз. 3 п. 17 Постановления).

Однако в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 17 вопреки выявленному Конституционным Судом РФ конституционно-правовому смыслу рассматриваемого законодательства закреплено: «В соответствии с положениями статей 135 и 138 УПК РФ **требования реабилитированного о возмещении вреда** (за исключением компенсации морального вреда в денежном выражении), восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав **разрешаются судом в уголовно-процессуальном порядке**. При этом суд, рассматривающий требования реабилитированного о возмещении вреда или восстановлении его в правах в порядке главы 18 УПК РФ, вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от доказанности указанных требований представленными сторонами и собранными судом доказательствами».

В части требований, оставленных без рассмотрения в порядке, установленном статьей 399 УПК РФ, реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Требования реабилитированного в той части, в которой они были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, **не подлежат рассмотрению** в порядке гражданского судопроизводства

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». URL: <https://base.garant.ru/70100077/> (дата обращения: 20.02.2020).

ства (пункт 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ, абзац третий статьи 220 ГПК РФ)».

Следовательно, согласно приведенной позиции Верховного Суда РФ требования реабилитированного о возмещении вреда и восстановлении прав должны разрешаться судом исключительно в уголовно-процессуальном порядке, и если только такие требования были оставлены судом в уголовно-процессуальном порядке без рассмотрения, то лишь тогда они могут быть, в режиме исключения из общего правила, рассмотрены судом в порядке гражданского судопроизводства. Разрешенные же судом в уголовно-процессуальном порядке требования реабилитированного вообще не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Притом что такой позиции неукоснительно следуют суды всех инстанций при рассмотрении дел соответствующей категории в отношении требований о возмещении вреда и восстановлении прав реабилитированных.

В частности, отменяя вынесенные по делу решения судов первой и апелляционной инстанций по делу реабилитированного С., Президиум Забайкальского краевого суда привел в своем постановлении ссылки на содержание п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 17 и указал следующее: «Суд апелляционной инстанции воспроизвел в своем определении постановление Ингодинского районного суда от 18.12.2017 г. (вынесенное в уголовно-процессуальном порядке), а также приведенные нормы УПК РФ и разъяснения по их применению. Но им фактически не следовало, поскольку не проанализировал содержание искового заявления (поданного в порядке гражданского судопроизводства) и названного постановления на предмет наличия (отсутствия) аналогичности заявленных требований, их разрешения (неразрешения) по существу по правилам главы 18 «Реабилитация» УПК РФ и возможности рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, учитывая нормы пункта 2 части 1 статьи 134, абзаца третьего статьи 220 ГПК РФ об исключительности законной силы судебного решения»¹³.

Между тем приведенное толкование ст. 138 УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ противоречит и существу буквального содержания ч. 1 ст. 138 УПК РФ, поскольку непосредственно сама ч. 1 ст. 138 УПК РФ каких-либо условий, ограничивающих право реабилитированного на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства при несогласии с решением суда в уголовно-процессуальном порядке, не содержит, прямо предписывая, что если требование в порядке УПК РФ о возмещении вреда судом не удовлетворе-

¹³ Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 1 августа 2019 г. № 44Г-62/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

но или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства, без каких бы то ни было дополнительных условий или ограничений по предмету обжалования.

К тому же подобное толкование Пленумом Верховного Суда РФ еще и положений п. 2 ч. 1 ст. 134 и абз. 2 ст. 220 ГПК РФ должно быть признано несостоятельным, поскольку указанные правовые нормы предполагают отказ в принятии искового заявления, то есть в порядке гражданского судопроизводства, либо прекращение производства по делу соответственно в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, опять же по смыслу подразумевая наличие такого решения, вынесенного в порядке гражданского судопроизводства.

Поэтому согласно принципам разумности, добросовестности и справедливости положения этих правовых норм должны касаться только дел, рассмотренных в порядке гражданского судопроизводства. В рассматриваемом же случае вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в порядке уголовного судопроизводства, не должны учитываться для применения положений п. 2 ч. 1 ст. 134 и абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, потому указанные правовые нормы не должны применяться по соответствующим гражданским делам при рассмотрении требований реабилитированного в порядке гражданского судопроизводства. В противном случае теряет всякий смысл положение ч. 1 ст. 138 УПК РФ о том, что если требование в порядке УПК РФ о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, толкование Пленумом Верховного Суда РФ ст. 138 УПК РФ и положений п. 2 ч. 1 ст. 134

и абз. 2 ст. 220 ГПК РФ в той мере, в какой они не допускают полноценную судебную защиту законных прав и интересов реабилитированного лица с использованием самых широких форм доказывания, необоснованно ограничивая и суживая последние, может не соответствовать Конституции РФ, ее ст. 45 (ч. 1 и 2), 46 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 2 и 3).

Применение же судами вышеприведенных положений Пленума Верховного Суда РФ при рассмотрении соответствующих требований реабилитированного в порядке гражданского судопроизводства практически лишает реабилитированных возможности использовать на законных основаниях более широкий предмет доказывания оснований своих требований о возмещении вреда как реабилитированного в рамках уже гражданского судопроизводства при несогласии с решениями судов, принятыми в уголовно-процессуальном порядке.

Изложенное свидетельствует, что данное Пленумом Верховного Суда РФ толкование ст. 138 УПК РФ в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 17, пренебрегающее установленными ею гарантиями, ведет к своеобразной депрециации данной статьи, а именно к утрате ее достоинств и заложенного в ней законодателем буквального смысла, направленного на защиту прав и интересов подлежащего реабилитации лица, что в свою очередь требует изменения позиции Верховного Суда РФ по данному вопросу в целях обеспечения на основе принципов верховенства прав, юридического равенства и справедливости пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лицам эффективного и полного восстановления в правах, гарантий максимально возможного возмещения причиненного вреда при судебной защите с возможностью использования полноценных форм доказывания оснований и размера требований реабилитированного.

Литература

1. Джинджолия Р.С. Роль и значение судебных правовых позиций (усмотрений) в уголовном праве (на примере разъяснений Верховного Суда РФ) / Р.С. Джинджолия // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3 (27). С. 75–79.
2. Дробышева Е.Н. О правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации: теоретический и практический аспекты / Е.Н. Дробышева // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 95–102.
3. Ершова Е.А. Правовая природа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации / Е.А. Ершова // Трудовое право. 2009. № 3 (109). С. 79–94.
4. Саламатов П.А. Толкование как вид судебного усмотрения / П.А. Саламатов // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 390–393.
5. Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.В. Шульга. Москва, 2016. 26 с.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Далгалы Татьяна Александровна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Красноярского государственного аграрного университета,
кандидат юридических наук
tanya.rodionova@gmail.com

На современном этапе развития науки уголовного, военного и международного права вопрос определения понятия военных преступлений, их классификации, а также привлечения к уголовной ответственности за них является одним из актуальных. Связано это, прежде всего, с тем, что, несмотря на стремление международного сообщества в целом и каждого государства в отдельности обеспечить мир и безопасность, военные конфликты не утихают. С доктринальной точки зрения до сих пор не решен вопрос об определении понятия «военное преступление». Отсутствие единой концепции законодательного определения также актуализирует необходимость изучения содержания понятия «военное преступление». В статье дается анализ международно-правовых актов, закрепляющих военные преступления. На основе исторической ретроспективы рассматриваются основополагающие акты, которые содержат категорию военных преступлений.

Ключевые слова: военное преступление, Женевские конвенции, международное уголовное военное право, серьезные нарушения, Римский статут, классификация военных преступлений.

Military Crimes: An International Law Aspect

Dalgaly Tatyana A.
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Krasnoyarsk State Agrarian University
PhD (Law)

At the present stage of the development of the science of criminal, military and international law, the issue of defining the concept of war crimes, their classification, as well as bringing them to criminal responsibility is one of the urgent. This is due primarily to the fact that despite the desire of the international community as a whole and each state individually to ensure peace and security, military conflicts do not subside. From a doctrinal point of view, the issue of defining the concept of “war crime” has not yet been resolved. The lack of a single concept of a legislative definition also makes the need to study the content of the concept of “war crime” more relevant. The article gives an analysis of international legal acts enshrining war crimes. On the basis of historical retrospective, fundamental acts that contain the category of war crimes are considered.

Keywords: war crime, Geneva Conventions, international criminal military law, serious violations, Rome Statute, classification of war crimes.

Современные процессы глобализации, а также возрастание числа вооруженных конфликтов между государствами актуализируют исследования проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц за военные преступления, определения понятия и перечня соответствующих деяний. Особенно важно изучение содержания норм международного права в целях эффективного правового регулирования отношений посредством применения внутригосударственного уголовного законодательства.

Доктринальный анализ норм международного уголовного права войны позволяет сделать вывод о том, что одной из самых актуальных и имеющих непосредственное практическое значение для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности

является проблема определения понятия и классификации военных преступлений.

Итак, международное уголовное право войны начало свою историю в XIX в. с формирования на основе внутригосударственного законодательства международной системы нарушений и преступлений. Однако в полном смысле этого слова то, что существовало, не было системой, тем более международной, так как отсутствовала международная классификация нарушений, совершившие нарушения лица не подлежали уголовной ответственности, к ним не применялись уголовные санкции. Более того, не были предусмотрены трибуналы и международная судебная процедура для такой цели.

Учитывая данные обстоятельства, невозможно было применять санкции в соответствии с междуна-

родным уголовным правом. Нарушения права войны оставались безнаказанными, так как не было признано положение о том, что государства несут уголовную ответственность за военные преступления или другие нарушения, равно как и то, что отдельные лица несут ответственность в соответствии с международным правом¹.

После окончания Первой мировой войны 11 ноября 1918 г. была сформирована Союзническая комиссия для установления ответственности «военных преступников». Данный термин здесь использовался впервые.

Дальнейшее развитие система военных преступлений получает в 40-е годы XX в., когда правительства союзнических стран, оккупированных Германией, составили Сент-Джеймскую декларацию о наказании военных преступников, а после и Московскую декларацию, посвященную тому же вопросу. Итогом данных международно-правовых актов стало Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г.², в котором предписывалось создание трибунала в Нюрнберге, перед которым предстали главные военные преступники.

Итак, на законодательном уровне впервые военные преступления были закреплены в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г. (далее — Устав Нюрнбергского трибунала). Статья 6 Устава определяет преступность и наказуемость деяний, составляющих «преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества». К военным преступлениям Устав Нюрнбергского трибунала 1945 г. относит нарушения законов или обычаев войны: убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

Несмотря на то что в Уставе Нюрнбергского трибунала закреплен термин «военные преступления», раскрыт перечень действий, составляющих военные преступления, непосредственное законодательное определение понятия в нем отсутствует. Не дает ответа на этот вопрос и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.³, касаю-

щийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)⁴. Более того, в последнем наряду с термином «военные преступления» указаны и так называемые серьезные нарушения, которые в соответствии со ст. 85 «являются таковыми, если они совершаются против лиц, находящихся во власти противной стороны, или против раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, или против медицинского или духовного персонала, медицинских формирований или санитарно-транспортных средств, находящихся под контролем противной стороны и пользующихся защитой настоящего Протокола». Перечень серьезных нарушений образуют следующие действия: превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения; совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты; совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам; превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения; совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях; вероломное использование отличительной эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца и др.

Классификация военных преступлений на две основные категории по степени тяжести, или, другими словами, в соответствии со степенью их жестокости, достаточно условна, так как между преступлениями, входящими в эти две категории, нет никакой качественной, содержательной разницы⁵.

Заслуживает особого внимания также Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.⁶, который, бесспорно, является наиболее полным кодификатором отраслевых уголовно-правовых принципов⁷, в ст. 8 раскрывает перечень военных преступлений, который включает в себя 6 видов серьезных нарушений. Однако следует отметить, что и в указанном международно-правовом акте отсутствует определение понятия «военные преступления». Несмотря на достаточно эффективно разработанную систему воен-

конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными // Там же. С. 634–681; Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // Там же. С. 681–731.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года (Протокол I) // Там же. С. 731–792.

⁵ Флорес Х.Л.Ф. Указ. соч. С. 31.

⁶ Римский Статут Международного уголовного суда (17.07.1998, Рим) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 129.

¹ Флорес Х.Л.Ф. Пресечение нарушений права войны, совершаемых отдельными лицами // Пресечение нарушений международного гуманитарного права: сб. ст. М., 1998. С. 9.

² Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят в г. Лондоне 08.08.1945) // Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 763–770.

³ Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях // Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. С. 603–625; Женевская

ных преступлений в Римском статуте, Российская Федерация отказалась от ратификации данного договора, что продиктовано во многом соблюдением внутригосударственных, национальных интересов страны.

В широком смысле слова система военных преступлений на современном этапе представляет собой действия, указанные в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г., Женевских конвенциях 1949 г. и дополнительном протоколе к ним 1977 г., Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г. и Римском статуте 1998 г. Указанные международно-правовые акты образуют правовую структуру и служат основанием для классификации военных преступлений. Дальнейшая классификация нарушений развивается и отражается в национальном уголовном законодательстве государств. С учетом вышесказанного заслуживает внимания точка зрения Антонио Кассесе⁸ о том, что в международном праве не существует никакого авторитетного и юридически обязательного перечня военных преступлений.

Типизация военных преступлений в уголовном законодательстве является задачей каждого из государств, ратифицировавших Женевские конвенции и Протокол I. Однако выстроенная международно-правовая система военных преступлений нередко претерпевает значительные изменения во внутригосударственном уголовном законодательстве. Некоторые государства используют классификацию военных преступлений без изменений, некоторые используют смешанную концепцию, в соответствии с которой отражается международная и национальная типизация нарушений, некоторые используют свою, независимую от конвенций типизацию.

Так, например, Франция, чей Кодекс военной юстиции и Правила общей дисциплины в вооруженных силах устанавливают запреты на те нарушения, которые лишь частично совпадают с предусматриваемыми в международном уголовном военном праве. Германия и Бельгия разработали законопроект, в котором была использована независимая от международной, собственная детализированная система классификации военных преступлений. Но все же большинство стран, например Великобритания, Дания, Канада, Новая Зеландия,

⁸ Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford, 2003. P. 53.

Литература

1. Кибальник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 385 с.
2. Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития / Т.А. Родионова. Москва : Юрлитинформ, 2012. 184 с.
3. Флорес Х.А.Ф. Пресечение нарушений права войны, совершаемых отдельными лицами / Х.А.Ф. Флорес // Пресечение нарушений международного гуманитарного права : сборник статей. Москва : Международный комитет Красного Креста, 1998. 159 с.

References

1. Cassese A. *International Criminal Law* / A. Cassese. Oxford : Oxford University Press, 2003. 472 p.

Швейцария и другие, устанавливают во внутригосударственном уголовном законодательстве уголовную ответственность за военные преступления, перечисленные в Женевских конвенциях и фактически ссылаются на весь перечень нарушений с помощью отсылки.

Несмотря на указанные различия, согласно ст. 49 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. необходимо помнить об обязательстве каждого государства «ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний за те или иные нарушения настоящей Конвенции... а также примет меры, необходимые для пресечения всех иных действий, противоречащих положениям настоящей Конвенции».

Что касается уголовного закона Российской Федерации, то, определяя систему преступлений против мира и безопасности человечества, Уголовный кодекс РФ 1996 г. последовательно⁹, но только частично воспроизводит предписания соответствующих норм международного уголовного права. Так, в Уголовном кодексе РФ¹⁰ предусмотрены следующие составы преступлений: разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ) и наемничество (ст. 359 УК РФ).

Подводя итоги, следует отметить, что международное уголовное военное право установило ряд универсальных типов серьезных военных преступлений, которые государства обязаны отразить в своем национальном законодательстве в той или иной форме. Более того, указанные перечни военных преступлений могут быть дополнены на национальном уровне. Вместе с тем определенная скудность международно-правовых норм в отношении установления уголовной ответственности в этом плане должна быть восполнена достаточно большим количеством национальных законов. Определение наказания является полностью делом самих государств, международно-правовые нормы не устанавливают ограничений, кроме того, что наказание должно быть адекватным.

⁹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 31.

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ВОПРОСЫ ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Лазарев Сергей Евгеньевич,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Мценского филиала Орловского государственного
университета имени И.С. Тургенева,
профессор Академии военных наук Российской Федерации,
кандидат исторических наук
lasarev2009@yandex.ru

В статье упоминаются важнейшие советские законодательные акты, посвященные вопросам военного обучения в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Первые же из них подтверждают, что страна усиленно готовилась к неизбежному столкновению с врагом: массово создавались новые военные школы, все военные учебные заведения переводились в режим ускоренной подготовки, осуществлялась заблаговременная подготовка военного резерва. В годы Великой Отечественной войны государством вводятся всеобщая и обязательная подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне. Большое внимание уделялось воспитанию детей и подростков, которые наряду со взрослыми принимали участие в боевых действиях в составе регулярных воинских подразделений, подпольных групп и партизанских отрядов. Для них создаются сначала специализированные военные средние школы, а затем суворовские и нахимовские училища (по типу кадетских корпусов императорской России). На основании проведенного анализа автором сделаны выводы о том, что советские законодательные акты, изданные в годы Второй мировой войны, позволили создать стройную систему подготовки профессиональных кадров для всех родов войск и пропаганды военных знаний среди населения.

Ключевые слова: военное дело, всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне, всеобщее военное обучение, нахимовские училища, специальные средние военные школы, суворовские училища.

Issues of Military Training in the Soviet Laws of the Period of the Second World War

Lazarev Sergey E.
Lecturer of the Department of General Education Disciplines
of the Mtsensk Branch of the Orel State University named after I.S. Turgenev
Professor of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation
PhD (History)

The article mentions the most important Soviet legislative acts devoted to military training during the Second world war (1939–1945). The first of them confirm that the country was intensively preparing for the inevitable clash with the enemy: new military schools were created EN masse, all military educational institutions were transferred to the accelerated training regime, the military reserve was prepared in advance. During the great Patriotic war, the state introduced all-training and mandatory training of the population for air and chemical defense. Much attention was paid to the education of children and adolescents who, along with adults, took part in the fighting as part of regular military units, underground groups and guerrilla groups. For them, first specialized military secondary schools are created, and then-Suvorov and Nakhimov schools (like the cadet corps of Imperial Russia). Based on the analysis, the author concludes that the Soviet legislative acts issued during the Second world war, allowed to create a coherent system of training of professional personnel for all branches of the armed forces and the promotion of military knowledge among the population.

Keywords: military affairs, universal compulsory training for air and chemical defense, universal military training, Nakhimov schools, special secondary military schools, Suvorov schools.

В связи с происходящей в нашей стране военной реформой и сохраняющейся опасностью возникновения локальных конфликтов свою актуальность со-

храняют вопросы военного обучения. Полезно будет обратиться к советскому законодательному опыту периода Второй мировой войны, когда была создана

цельная система подготовки военных кадров и пропаганды военных знаний среди населения, подтвердившая свою жизнеспособность.

Одним из направлений деятельности государства в этой сфере становится повышение престижа и значимости военных учебных заведений и военных факультетов при гражданских вузах. Уже в сентябре 1939 г. многим вузам и научно-исследовательским институтам, работавшим на оборонку, предоставляется право приема докторских и кандидатских диссертаций и присуждения ученой степени кандидата наук¹.

Создаются курсы «повышенного типа» по подготовке начальствующего состава запаса: автобронетанковые, артиллерийские, инженерные, пехотные, курсы связи, на которых готовились командиры взводов, рот, батарей, батальонов, дивизионов, помощники начальников штабов полков, адъютанты командиров батальонов и дивизионов². По окончании курсов весь начальствующий состав запаса направлялся в войсковые части для приобретения практических навыков. Происходит перевод лиц начальствующего состава запаса из предприятий и учреждений на должности военных руководителей в гражданские учебные заведения³.

Еще в 1938 г. создаются артиллерийские средние специальные школы (по образцу кадетских корпусов), которые предназначались для укомплектования в дальнейшем артиллерийских военных училищ. В начале Второй мировой войны эта практика распространяется на подготовку кадров для Военно-воздушных сил и Военно-морского флота. Так, в системе народных комиссариатов просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и некоторых союзных республик в 1940 г. создаются специальные средние школы (в составе 8, 9, 10 классов), задачей которых становится подготовка кадров для комплектования военно-авиационных и военно-морских училищ⁴. Общее количество

учащихся во всех трех классах каждой специальной школы составляло 500 человек. Они комплектовались из числа лучших учащихся средних школ мужского пола, прошедших специальную медицинскую комиссию и признанных годными к военной службе. Сюда назначался лучший преподавательский состав с высшим педагогическим образованием, в том числе из лиц командного состава запаса. Все учащиеся специальных средних школ носили присвоенную им форму одежды, жили по общему школьному уставу, летние каникулы проводили в специальных лагерях. Выпускники данных школ получали особый аттестат и распределялись по военно-авиационным и военно-морским училищам.

Накануне Великой Отечественной войны законодательно оформляется целая система подготовки военных кадров. Происходит широкая специализация учебных заведений по родам войск, увеличение набора в «старые» и открытие новых школ, перевод всех учебных заведений на ускоренную подготовку. К примеру, при летных школах Военно-воздушных сил создаются запасные роты из окончивших аэроклубы Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим).

Важнейшие документы выходят в годы Великой Отечественной войны. Считая, что каждый гражданин СССР, способный носить оружие, должен быть подготовлен с оружием в руках защищать свою Родину, Государственный комитет обороны СССР с 1 октября 1941 г. вводит обязательное военное обучение всех мужчин в возрасте от 16 до 50 лет⁵. Оно осуществляется вневойсковым порядком без отрыва граждан от работы на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, учреждениях. При прохождении военного обучения особое внимание уделялось строевой подготовке, овладению винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, противохимической защите, рытью окопов и маскировке, тактической подготовке отделения и одиночного бойца. В качестве инструкторов привлекался средний командный и политический состав и младший начальствующий состав запаса, а также наиболее подготовленный рядовой состав старших возрастов, не призванный в армию. Для организации вышеуказанных мероприятий в составе Народного комиссариата обороны образовывалось Главное управление всеобщего военного обучения

¹ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 14 сентября 1939 г. № 1460 «Об утверждении дополнительных списков высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, которым предоставляется право приема докторских и кандидатских диссертаций и присуждения ученой степени кандидата наук» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1939. № 53. Ст. 459.

² Приказ народного комиссара обороны СССР от 15 февраля 1941 г. № 066 «О реорганизации курсов начальствующего состава запаса» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1937 — 21 июня 1941 г.) / под общ. ред. В.А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 13 (2–1). С. 238–239.

³ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 23 августа 1940 г. № 1525 «О порядке назначения лиц начсостава запаса в учебные заведения на должность военных руководителей» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 22. Ст. 547.

⁴ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 22 июля 1940 г. № 1316 «Об организации специальных военно-морских средних школ» // Собрание постановлений и распоря-

жений Правительства СССР. 1940. № 21. Ст. 515; Постановление Совета народных комиссаров СССР от 6 ноября 1940 г. № 2276 «Об организации специальных средних школ Военно-воздушных сил» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 30. Ст. 728.

⁵ Постановление Государственного комитета обороны СССР от 17 сентября 1941 г. № ГКО-690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. С. 81–82.

(Всевобуч), в военных округах, областных (краевых и республиканских) военкоматах — отделы Всевобуча, в райвоенкоматах вводились штатные единицы инструкторов Всевобуча. За уклонение от обязательного обучения военному делу граждане СССР подлежали уголовной ответственности по ст. 68 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик (лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев или штраф до 500 руб.)⁶.

В стране вводилась и всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне⁷. Обучение рабочих и служащих производилось по месту работы, учащихся — по месту учебы, обучение остальных граждан — по месту жительства. К участию в группах самозащиты местной противовоздушной обороны на предприятиях, в учреждениях и жилых домах в обязательном порядке привлекались граждане обоего пола — женщины в возрасте до 50 лет и мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Несовершеннолетние в возрасте от 8 до 16 лет обучались пользоваться средствами индивидуальной защиты при воздушных нападениях. От участия в группах самозащиты освобождались только лица, временно утратившие трудоспособность, инвалиды войны и труда, беременные женщины и женщины, имевшие детей до 8-летнего возраста. Подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне, инструкторов и другого личного состава групп самозащиты в жилых домах возлагалась на Осоавиахим, а материальное обеспечение групп самозащиты — на исполкомы городских, районных Советов депутатов трудящихся. Общее руководство осуществляло Главное управление местной противовоздушной обороны Народного комиссариата внутренних дел СССР.

Поскольку значительное большинство юношей, окончивших в годы войны среднюю школу, призывалось в действующую армию в 1942–1943 учебном году, в планы всех общеобразовательных школ вводился предмет «Военное дело». Его программа включала строевую, лыжную, огневую и противохимическую подготовку, изучение стрелкового и военно-санитарного дела, техники рукопашного боя. В 1944 г. каждой средней школе предписывалось оборудовать воен-

ные кабинеты и спортивные площадки, а в областных центрах — детские стадионы⁸. Комсомольские и пионерские организации добивались того, чтобы каждый учащийся сдавал нормы на значок «Будь готов к труду и обороне». Введение военного дела стало одним из аргументов в пользу организации раздельного обучения мальчиков и девочек⁹.

Большую роль в улучшении подготовки командного состава Вооруженных сил сыграл Приказ народного комиссара обороны СССР от 9 апреля 1942 г. «О подготовке общевойсковых командиров». Особое внимание всего командного состава обращалось на умелую организацию взаимодействия различных родов войск в общевойсковом бою, знание и использование всех возможностей новой боевой техники и вооружения, выработку твердых практических навыков руководства войсками, а также на изучение опыта Второй мировой войны и тактики противника.

После коренного перелома в войне принимают новые эффективные меры в сфере военной подготовки молодежи. Постановлением Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) от 21 августа 1943 г. № 901¹⁰ было положено начало созданию суворовских и нахимовских военных училищ. Это был новый вариант средних военно-учебных заведений интернатного типа, предназначенных для подготовки несовершеннолетних граждан мужского пола к обучению в военных вузах и последующей службе в качестве офицеров в Вооруженных силах. Приему в них подлежали мальчики с 10-летнего возраста — беспризорники и воспитанники детских домов, сыны полков, юнги флота и юные партизаны. Срок обучения составлял 4–8 лет. Суворовские училища готовили подростков к службе в сухопутных войсках, нахимовские — к службе в Военно-морском флоте. Воспитанники проживали в училищах, нахо-

⁶ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 октября 1941 г. № 42/22/у «Об уголовной ответственности граждан, уклоняющегося от всеобщего обязательного обучения военному делу» // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л. : Лениздат, 1942. С. 82–83.

⁷ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 2 июля 1941 г. № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л. : Лениздат, 1942. С. 84–85.

⁸ Постановление XII пленума Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи от 17 марта 1944 г. «О мерах по улучшению работы комсомола в школе» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М. : Педагогика, 1974. С. 286.

⁹ Постановление Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1943 г. № 789 «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов» // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1944. Л. : Лениздат, 1944. С. 229–230.

¹⁰ Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) от 21 августа 1943 г. № 901 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1943. 22 августа.

дильсь на полном государственном обеспечении и носили специальную форму одежды военного образца. Наполняемость каждого учебного заведения составляла примерно 500 человек. Программа обучения включала общеобразовательные предметы по курсу средней школы, углубленное изучение иностранных языков, военную и физическую подготовку, а также балльные танцы, культуру поведения и т.п. Созданные в советское время суворовские и нахимовские училища продолжают функционировать в наши дни.

Всего военные кадры для Красной армии и Военно-морского флота в завершающий период войны готовили 31 высшее военно-учебное заведение, 220 военных училищ и свыше 200 различных курсов, которые ежегодно выпускали 400–500 тыс. офицеров¹¹.

Десятки законодательных актов периода Второй мировой войны позволили создать стройную систему подготовки военных кадров для всех родов войск и пропаганды военных знаний среди населения. Причем уже законы, опубликованные в самом

начале Второй мировой войны, подтверждают, что страна усиленно готовилась к возможному столкновению с противником. Все военные учебные заведения переводились на режим ускоренной подготовки, создавались новые военные школы, поддерживались научные разработки, связанные с обеспечением военных нужд. Для системы военного обучения того времени характерен широкий охват, наряду с военными кадрами, гражданского населения, заблаговременная подготовка военного резерва, привлечение военнослужащих запаса к учебно-воспитательной работе. Большое внимание уделялось воспитанию детей и подростков, которые наряду со взрослыми принимали участие в боевых действиях в составе регулярных воинских подразделений, подпольных групп и партизанских отрядов. Сложившаяся система военного обучения доказала свою эффективность, создала профессиональные кадры, обеспечившие победу советского народа в Великой Отечественной и советско-японской войнах. А законодательный опыт того времени в сфере народного просвещения может быть успешно применен в современной России.

¹¹ Савельев В.М., Саввин В.П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. С. 245.

Литература

1. Великая Отечественная / под общей редакцией В.А. Золотарева. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР (1937–21 июня 1941 г.); составители А.С. Емелин (ответственный редактор) [и др.]. Москва: ТЕРРА, 1994. 368 с.
2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. / составители А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. Москва: Педагогика, 1974. 560 с.
3. Савельев В.М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне / В.М. Савельев, В.П. Саввин. Москва: Мысль, 1974. 285 с.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8(495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО СОСТАВА РОССИЙСКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Печникова Ольга Глебовна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Российского государственного университета нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
доктор юридических наук, доцент
lex1881@mail.ru

Автор статьи рассматривает вопросы нормативного регулирования медицинской экспертизы при формировании кадров российской армии двухсотлетней давности, проводя углубленный анализ правовых и иных документов начала XIX в. Уделяется внимание эволюционному процессу, берущему начало с осмотров ратников князьями и их военными начальниками, при построении в ряд перед боем, завершившемуся комиссионным принятием решения по вопросам годности к военной службе профессиональными медиками. Приводятся формулировки правовых норм, отражающих исторические, культурные особенности, достижения науки и мировоззренческие взгляды. Аргументированно строится вывод об актуальности исследований данного направления для дальнейшего усовершенствования законов, определяющих указанный вид государственной деятельности, напрямую связанный с укреплением боеспособности вооруженных сил.

Ключевые слова: законы российской армии XIX в., эволюция регламентации военно-медицинской экспертизы, экспертиза годности к военной службе в начале XIX в., правовые нормы Российской империи, дореволюционное законодательство эпохи царизма.

The Regulation of a Medical Examination in Staffing of the Russian Army in the Early XIX Century

Pechnikova Olga G.
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
LL.D., Associate Professor

The author of the article examines the issues of normative regulation of medical expertise in the formation of personnel of the Russian army, two hundred years ago, conducting an in-depth analysis of legal and other documents of the beginning of the XIX century. Attention is paid to the evolutionary process, which begins with the inspection of soldiers by princes and their military chiefs, when they are lined up before the battle, and ends with a Commission decision on the suitability for military service by professional doctors. The wording of legal norms reflecting historical, cultural features, scientific achievements and world views is given. The author makes a reasoned conclusion about the relevance of research in this area for further improvement of laws that define this type of state activity, which is directly related to strengthening the combat capability of the armed forces.

Keywords: laws of the Russian army of the XIX century, evolution of regulation of military medical examination, examination of fitness for military service in the early XIX century, legal norms of the Russian Empire, pre-revolutionary legislation of the tsarist era.

Правовое регулирование медицинской экспертизы в армии занимало важное место в системе государственного управления со времени образования указанного территориального образования и претерпело значительные изменения со времени осмотра ратников князем или иными военными начальниками, что вызывает определенный научный интерес¹.

¹ Печникова О.Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здоровья» в России XVI — начала XIX вв. : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 496 с. ; Её же. Станов-

Рассмотрим регламентацию медицинской экспертизы пополнения российской армии в начале XIX в. Положения, отражающие медицинские критерии определения годности к военной службе, были сформулированы в «Высочайше утвержденном

ление государственно-правового регулирования российской военно-медицинской службы при Аптекарском приказе // Военно-юридический журнал. 2017. № 11. С. 20–23 ; Её же. Актуальные вопросы регламентации организации госпиталей в истории и современности // Военно-юридический журнал. 2019. № 3. С. 30–32.

наставлении, служащем руководством, врачам, при наборе рекрут находящимся»² с приложением отношения министра внутренних дел к начальникам губерний от 24 сентября 1806 г.³

В этом документе говорилось, что «способность рекрута к военной службе» составляют три качества: «1) совершенные лета; 2) надлежащий рост, и 3) здоровье его». Первые два «качества» удостоверяли гражданские и военные чиновники, а критерии здоровья определялись профессиональным медиком. Медицинская экспертиза проводилась на основании «краткого наставления», содержащего в себе: 1) болезни, по которым рекрут к военной службе бывает неспособен; 2) притворные болезни; 3) «утаеваемые болезни и способ узнавания оных», представлявшего собой объемные разделы руководства, имеющего силу правовой нормы, где излагались симптомы и болезни, влияющие на категорию годности. Кроме этого, говорилось, что «все вышепомянутыя болезни открытия могут быть без малейшего затруднения, когда медико-хирург обратит свое внимание на душевныя и телесныя способности рекрута, со вниманием рассмотрит жизненныя и натуральныя действия и воспользуется признаками, означающими характер объявляемых болезней».

«Циркулярное отношение министра Внутренних дел к начальникам губерний, с препровождением Инструкции медицинским чинам по предмету свидетельства рекрут при приеме оных», содержащееся в выше-названном документе (имевшееся в выше-названном нормативном акте), содержало «повеление» императора «для удобнейшаго наблюдения всего того, что Инструкцие предписано, и к отвращению злоупотреблений» кроме губернского лекаря, находиться при приеме рекрутов одному из членов Медицинской управы, назначаемых губернатором, в тех городах, где располагались полки и гарнизонные батальоны, назначались «при рекрутском приеме по одному из полковых или батальонных лекарей, так чтоб при приеме рекрут, свидетельство их там, где только сие возможно, чиниться могло тремя или двумя медицинскими чиновниками».

Тем самым впервые нормативно закреплялось одновременно комиссионное и медицинское (в данном случае «тремя или двумя медицинскими чиновниками») решение вопроса определения годности к военной службе, в общем виде сохранившее актуальность и в наши дни. Регламентировалось также повсеместное и обязательное применение единого для государства руководства, содержащего медицинские критерии определения годности к военной службе. Медицинские чиновники должны были заранее со-

ставлять письменные свидетельства, заверявшиеся подписями.

«Высочайше утвержденное наставление, служащее руководством врачам, при наборе рекрут находящимся» с приложением отношения министра внутренних дел к начальникам губерний от 24 сентября 1806 г., на наш взгляд, завершало трансформацию позиции создателей правовых норм: от вынесения экспертного решения только военными, затем медицинскими чиновниками или военными, до дальнейшего перенесения ответственности на военно-медицинские комиссии, включающие несколько медицинских кадров, что как принцип сохранило актуальность до наших дней.

Анализируя эволюционный процесс правотворчества, можно увидеть результат осознания факта необходимости принятия комиссионного решения, так как «в случае разных мнений медицинских чиновников, касательно болезней рекрут, Врачебная управа, должна решить их, и по свидетельству ее рекрут должен быть или принят, или отвергнут».

Дополнением к рассмотренному закону можно, на наш взгляд, назвать Указ из Военной коллегии от мая (точная дата отсутствует) 1807 г. «О не пересылании рекрут и конвойных, коль скоро открываются в них признаки болезней, и об отдаче их в присмотр гражданскому начальству»⁴. Его положения подтверждали приказ, чтобы «рекруты и конвойные, коль скоро открываются в них признаки болезней, отнюдь уже далее не присылались, а отдаваемы были под присмотр гражданскому начальству».

Позволил избежать нарушений, связанных с приемом низкорослых рекрутов, и усилить контроль над исключением их из набора Именной указ, объявленный Военной коллегией военным министром от 31 октября 1808 г. «О приеме в Санкт-Петербургской казенной палате рекрут в присутствии Санкт-Петербургского коменданта и о поверке рекрутской меры в казенной палате с имеющейся в Военной коллегии»⁵.

Ужесточению санкций, применяемых к нарушителям закона, способствовало Высочайше утвержденное мнение государственного совета от 14 июля 1810 г. «О штрафах за прием неспособных к службе рекрут»⁶, в силу которого гражданских и военных чиновников привлекали к ответственности «за каждого рекрута, принятого старше или моложе указанных лет и меньше положенного роста» или имеющего следы публичных наказаний на теле.

К недобросовестным медикам, в частности, применялись штрафы «за каждого рекрута, имеющего недостатки вышеописанные» в размере 500 руб. Суммы всех взысканий обращались в пользу государствен-

² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 346. Оп. 2. Кн. 63. Д. 98.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22282.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22536.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 23329.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24291.

ного казначейства, а на виновников налагался запрет на участие в решении экспертных вопросов в отношении указанной категории лиц, задерживалось присвоение последующего чина.

От взыскания освобождался чиновник, выразивший письменно свое мнение о негодности в журнале. Лица, «умышленно себя повреждающие», не считались больными и подлежали зачислению в общий состав. «Партионный офицер» также мог выявить негодность к службе и предоставить донесение командиру по приему рекрутов.

Литература

1. Печникова О.Г. Актуальные вопросы регламентации организации госпиталей в истории и современности / О.Г. Печникова // Военно-юридический журнал. 2019. № 3. С. 30–32.
2. Печникова О.Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здоровья» в России XVI — начала XIX вв. : монография / О.Г. Печникова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 496 с.
3. Печникова О.Г. Становление государственно-правового регулирования российской военно-медицинской службы при Аптекарском приказе / О.Г. Печникова // Военно-юридический журнал. 2017. № 11. С. 20–23.

АРЕСТ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Сатанова Лейла Муслимовна,
профессор научно-образовательного департамента
«Право» Университета Нархоз,
кандидат юридических наук, профессор
 nur011009@mail.ru

В данной статье исследуется период создания регулярной армии в России Петром Великим, сопровождавшийся изданием специальных законов для всех войсковых структур. Особое внимание в статье уделяется такому виду наказания, как лишение свободы в форме ареста, который предусматривался целым рядом законодательных актов.

В статье подробно исследуются места заключения арестованных, значение ареста, тюрьмы в XVIII столетии. Арест чаще всего применялся в русской армии для поддержания порядка и дисциплины. В исследовании описываются характерные для того времени способы их исполнения.

Ключевые слова: Петр I, регулярная армия, лишения свободы, Воинский устав, наказания, арест.

Arrest as a Punishment Type during the Rule of Peter the Great

Satanova Leyla M.
Professor of the Legal Scientific and Educational Department of the Narxoz University
PhD (Law), Professor

This article explores the period of creating a regular army in Russia by Peter the Great, accompanied by the publication of special laws for all military structures. Particular attention is paid to such type of punishment as imprisonment in the form of arrest, which provides a number of legislative acts.

The article explores in detail: places of detention arrested, the value of arrest, prison in the eighteenth century. Arrest often used in the Russian army to maintain order and discipline. The study describes the typical for the time of their execution methods.

Keywords: Peter I, the regular army, incarceration, Military Regulations, punishments, arrest.

Главная идея наказания по Воинскому артикулу Петра Великого заключалась в осуществлении возмездия. Цель же была далека от начала гуманиз-

ма, поскольку преследовала физическое уничтожение, расправу и устрашение. Наказание применялось дифференцированно, в зависимости от занимаемой

должности и звания военнослужащего. В законодательстве того времени постепенно начинает закладываться принцип соразмерности наказания в зависимости от степени виновности обвиняемого. Также проникает понятие об отягчающих и смягчающих вину обстоятельствах. Безусловно, эти нововведения являлись прогрессивными для того времени.

В период правления Петра Великого среди наиболее применяемых видов наказания являлся арест.

Места заключения арестованных. Арест отбывался в Петровскую эпоху военнослужащими не так, как в московский период Руси — в общих местах заключения, а в специальных помещениях для ареста. Они размещались либо при караульных помещениях, либо отдельно. Как те, так и другие назывались «гарнизонными местами» заключения. В первом случае арест отбывался при полках и частях войск, если эти войсковые части выставляли свои домашние караулы. Краткий артикул впервые устанавливает в русской армии правила караула арестованных.

Специальными местами заключения для арестованных военнослужащих являлись гауптвахты, которые организовывались для всего городского гарнизона, не при частях войск, и находились в непосредственном ведении комендантов. В больших городах создавалось по несколько гауптвахт, одна из которых называлась главной¹.

«Арест за караулом» чаще всего отбывался в крепостях, где было особенно много караулов, а также было больше помещений для содержания арестованных. В крепости для отбывания наказаний отправлялись арестованные, совершившие тяжкие преступления, за которые назначались длительные сроки заключения.

Кроме «гарнизонных», т.е. специальных мест заключения для военнослужащих, существовали и различного рода общие места заключения при полиции и при иных учреждениях: коллегиях, канцеляриях и приказах. Эти места заключения уже не находились в ведении военного начальства, и военнослужащие хотя и содержались довольно часто под арестом в этих местах заключения, но тем не менее даже в петровские времена такой способ ареста военнослужащего считался исключительным.

«Арест за караулом» назначался на срок до полугода и не влек за собой никаких праволишений. Это наказание считалось телесным, от которого были освобождены штаб-офицеры. Данный вид наказания признавался арестом по способу отбывания наказания, а не потому что арест был сопряжен с сопутствующими физическими воздействиями.

Что касается способа отбывания ареста, то некоторые виды этого наказания, например арест с содержанием на хлебе и воде, сопровождавшийся к тому же с «посажением в железа», могли действительно носить характер наказания, направленного не на лишение свободы, а на физическое воздействие. Содержание на хлебе и воде продолжалось иногда длительное время. По «Артикулу карабельному» 1706 г. моряки даже за пьянство подвергались этому наказанию на две недели, а если кто-либо решался дать заключенному иную пищу, кроме установленного количества хлеба, то за это подвергался такому же наказанию на 7 дней.

Данному виду наказания подвергались военнослужащие в низшем звании. Все же на практике телесные наказания применялись и в отношении офицерского состава.

Тяжесть ареста усугублялась необустроенностью мест заключения. Арестантские помещения и карцеры размещались в подвалах или в непригодных для жилья сырых и темных помещениях, где-нибудь на задворках, возле отхожих мест и т.п. Не лучше было и в других гарнизонных местах заключения: на гауптвахтах и в крепостях. Если Воинский устав Петра I вынужден был констатировать, что даже караульные помещения «бездельные и ленивые солдаты портят и разоряют, или в не чистоте содержат»², то можно себе представить, в каком состоянии находились арестантские помещения, относительно которых все заботы ограничивались лишь наблюдением за прочностью засовов и решеток, препятствующих побегу арестантов.

Что касается довольствия арестованных, то военнослужащие в низших званиях получали свой солдатский паек. Офицеры довольствовались на свои собственные средства и были ограничены требованием в целях устранения в местах заключения беспорядка и пьянства.

Значение ареста. Арест в петровский период являлся наиболее часто применяемым наказанием. Он широко использовался не только в военном быту, но и в отношении к гражданскому населению. В Воинском уставе, в главе «Приуготовление к маршу», упоминалось о том, что достаточно было только не отозваться на оклик часового, чтобы уже попасть под арест. Задерживать гражданских лиц были уполномочены полицейские органы, и такие меры относились к числу превентивных.

Арест применялся и в отношении лиц, совершивших правонарушение в ходе следствия и суда. Из дел архива лейб-гвардии Преображенского полка видно, что предварительный арест применялся к пойманному беглым гвардейским солдатам и рекрутам³. Относительно содержания подсудимых военнослу-

¹ Глава 59 Устава воинского «О должности генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведении, что каждому чину чинить должно» от 30 марта 1716 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm>

² Глава 58 Устава воинского Петра I 30 марта 1716 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm>

³ Дело № 4 «Фергеры и керигсрехтеры» 1710–1720 гг. // Архив лейб-гвардии Преображенского полка. Приложение VII.

жащих под караулом встречаются и прямые указания в Полном собрании законов⁴ и Воинском уставе, в котором предписывалось «держать преступников за караулом и сажать по состоянию дела в железа»⁵.

Арест применялся и по гражданским искам, т.е. как мера, обеспечивающая иск. Такой характер ареста был установлен окончательно в 1723 г. указом о форме суда⁶.

Также интересен тот факт, что за время пребывания под арестом по исковым делам гражданским и военным чиновникам жалования выдавались в половинном размере⁷. Такому же ограничению подвергались и служащие, находившиеся под арестом и не по исковым делам⁸. Вероятно, таким образом законодатель предусмотрел возмещение государственных затрат за временно отлучившихся от службы чиновников.

Арест также применялся как метод административного воздействия, направленный к тому, чтобы повысить дисциплину в части неукоснительного и своевременного выполнения правительственных указов и распоряжений государственными органами⁹. Все же в большинстве случаев арест применялся как карательная мера, притом как в судебном, так и в дисциплинарном порядке.

Наиболее тяжелыми по содержанию арестами считались в гарнизонных местах заключения. Однако даже они не шли в сравнение с арестами при коллегиях и канцеляриях. В этих прославленных петровских застенках, наподобие Санкт-Петербургской воеводской канцелярии, процветала самая жестокая пытка¹⁰. Пытки применялись в отношении офицеров и солдат за совершение тяжких преступлений¹¹.

Для характеристики положения заключенных в описываемый период, а именно о пойманных и возвращенных военнослужащих в нижних званиях, находившихся в бегах, которые содержались при Московской Военной канцелярии в ожидании следствия и суда, русский поэт, публицист и переводчик XIX в. М.П. Розенгейм приводил задокументированные слова стольника Головина из донесения его Военной Коллегии 28 ноября 1716 г.: «При Московской Военной Коллегии, — пишет Головин, — под арестом содержатся колодники, которые с немалою нуждою и от тесноты, духоты и голоду помирают»¹².

В подобных местах заключения в ожидании приговоров содержалось такое количество военнослужащих, что Военная коллегия была вынуждена вести особый учет с требованием списков арестованных каждые три года, чтобы устранить медлительность в производстве дел¹³.

Медлительность же в производстве дел достигала невероятных временных периодов. Из военно-судных дел Преображенского полка было видно, что для привлечения к ответственности солдата Михайлова за фальшивую подпись в документе, где было необходимо допросить всего лишь трех свидетелей, потребовалось времени с 31 июля 1716 г. до 22 апреля 1719 г.¹⁴ Еще более шокирующий пример: в 1727 г. императрица Екатерина I случайно обнаружила из списков, что майор Воеводский содержится под караулом десятый год¹⁵.

В целом общее состояние петровских застенков вызывало ужас и отвращение. Места заключения при административных учреждениях резко отличались от мест содержания под арестом военного ведомства, а по условиям отбывания в них наказания, по режиму и самому внутреннему устройству были более близки к тюрьмам того времени.

Тюрьма в XVIII столетии. Петровская тюрьма, по определению исследователя И. Тарасова, представлялась полицейской мерой безопасности: «...на эту именно меру законодательство возлагало, по-видимому, особое упование, тем более что для широчайшего применения не было каких-либо принципиальных затруднений ввиду малой цены»¹⁶. По этой простой причине личное задержание в те времена пользовалось наибольшей популярностью в большинстве случаев в административном порядке как мера предупреждения и пресечения преступлений и как мера пресечения способов уклонения от следствия и суда. Однако тюремное заключение редко применялось в качестве карательного воздействия. Воинский артикул Петра I предусматривал тюремное заключение только в одном случае, а именно за убийство по неосторожности.

Данный факт указывает на то, что тюремному заключению не придавалось такого значения как месту лишения свободы за тяжкие преступления, как это принято в современном мире. Именно по этой причине государство берет на себя обязательство строить тюрьмы, но содержание этих тюрем возлагалось на гражданских лиц: на должников по исковым делам; служащих, виновных в промедлении при рассмотрении дел, по которым содержатся узники, и даже на

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3806.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3006 ; Глава XLIII Устава воинского. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm>

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4344. Пункт 5.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4344. Пункт 5.

⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4882.

⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. СПб., 1830. № 3341, 3934, 4246, 4580.

¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. СПб., 1830. № 6970.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3006.

¹² Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. СПб., 1830. № 5966.

¹⁴ Розенгейм М.П. Указ. соч.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. СПб., 1830. № 5059.

¹⁶ Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Киев, 1875.

тех, кто оказывался свидетелем преступлений¹⁷. Государство предпринимало всевозможные меры для того, чтобы не тратить средства на содержание узников, даже если речь шла о растрате казенных денег и узник по закону должен был содержаться за счет государственных средств¹⁸. Первая мера заключалась в том, чтобы устранить промедления в рассмотрении дела преступника¹⁹. Несостоятельных из них отправляли на каторжные работы, пока последний полностью не отработывал казенный долг²⁰. Издавалось бесчисленное количество указов относительно медлительности в решении дел о заключенных. Даже встречались правила, по которым заключенные из-за отсутствия работ, благодаря которым они могли бы заработать на свое содержание, отправлялись просить милостыню. Данное правило распространялось на заключенных, содержащихся за государственный счет²¹.

Таким образом, тюремное заключение, как мера досудебного ограничения свободы, применялось довольно широко, но как место лишения свободы после приговора суда не использовалось почти еще 100 лет. Петр Великий, развернувший к тому времени широко-масштабное строительство объектов, ставших историческими достояниями человечества, остро нуждался в бесплатной рабочей силе и, конечно же, не мог не обратить внимания на столь привлекательный ресурс, как заключенные в тюрьмах. Этим последних всеми средствами приспособляли к производственному труду и в законе написали: «...колодников, содержащихся в “Государственных делах”, употреблять в казенные работы»²². «Баб и девок» отсылали на «Прядильный двор» и на фабрики²³. Беглых монахов держали «по смерть в окопах в трудах монастырских». В монастыри отсылались и те преступники, которые по старости, инвалидности и болезни оказывались нетрудоспособными²⁴. И, на-

конец, учреждались даже так называемые смирительные рабочие дома²⁵.

Военнослужащие, подвергавшиеся тюремному заключению на общих основаниях, подчинялись тем же правилам и касаясь принудительных работ. К принудительным работам привлекались даже те беглые солдаты, которые являлись с повинной. Последних высылали на работы в «новостроящийся город Петербург»²⁶.

Длительное предварительное заключение военнослужащего в некоторых случаях могло служить основанием к смягчению наказания. Так, в докладах и приговорах Сената имеется документ, из которого следовало, что поручик Рукин «За ложное челобитье» был разжалован в рядовые, Сенат же в приговоре пояснил: «...довелся он жестокого наказания и того ему не учинено за то, что он сидит за арестом третий год»²⁷.

Общий вывод. Таким образом, в отношении военнослужащих тюремное заключение применялось в петровские времена довольно редко. Данный факт объяснялся, прежде всего, экономическими и политическими причинами. Петровскому государству было абсолютно невыгодно длительное содержание в тюрьмах трудоспособного населения. Большую роль в этом отношении сыграло создание регулярной армии, которую законодатель стремился выделить в отдельное государственное учреждение. Как следствие, возникла необходимость в законодательном закреплении специальных воинских наказаний, из которых особенно широкое применение получило содержание под арестом, имевшее в войсковых структурах огромное преимущество относительно заключения в тюрьмах. Тюрьма отрывала на долгие годы от службы в войсках военнослужащих. Такое положение являлось несовместимым с теми реалиями, когда государство было вынуждено дорожить каждым солдатом и привлекать в ряды молодой, вновь созданной армии огромную часть населения, чтобы противостоять соседним государствам, с которыми вел жестокую борьбу великий преобразователь России.

¹⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 3685, 3940, 4094, 4989, 3709, 4347, 4989; Т. VI. СПб., 1830. № 4091.

¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 1836. Пункт 6.

¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3928.

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3717, 3928.

²¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 4111, 4094.

²² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 4111, 4094.

²³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. СПб., 1830. № 3306, 3313; Т. VI. СПб., 1830. № 4047. Пункт 39. № 4130. Пункт 38; Т. XI. СПб., 1830. № 8224.

²⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 5034; Т. X. СПб., 1830. № 7793.

²⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3708. Глава XX; Т. VI. СПб., 1830. № 2179.

²⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2062.

²⁷ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. СПб., 1880–1901. № 608.

Литература

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ XVIII в., 1-я четверть / Е.В. Анисимов. Ленинград : Лениздат, 1989. 485 с.
2. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е.В. Анисимов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
3. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. Москва : РГУ, 2001. 575 с.
4. Павленко Н.И. Петр Первый / Н.И. Павленко. Москва : Молодая гвардия, 1975. 382 с.
5. Панченко А.М. Начало Петровской реформы: идейная подоплека / А.М. Панченко. Санкт-Петербург, 1997.
6. Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого / М.П. Розенгейм. Санкт-Петербург : Тип. М. Эттингера, 1878. 377 с.
7. Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. В 2 частях. Ч. 1–2. Рассуждение, представленное для публичной защиты на степень магистра И. Тарасовым / И. Тарасов. Киев : Университетская тип., 1875. 243 с.